

A warm, intimate family portrait. A man with a beard and short brown hair, wearing a dark grey blazer over a dark blue shirt, looks directly at the camera with a serious expression. A woman with long, wavy blonde hair, wearing a yellow spaghetti-strap top with ruffled shoulders, smiles gently. A baby in a yellow dress with a matching headband sits in front of them, holding a small tabby cat. The background is softly blurred with warm, bokeh light spots.

*Зинаида
Соколова*

(Не) Должна
БЫТЬ РЯДОМ

Зинаида Соколова

(Не)Должна быть рядом

<https://litres.ru/74689392>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл Радов казался мне недоступным идеалом. До тех пор, пока не спас меня и не принял за девушку особого сорта. Наивная дурочка! Знала же, всегда знала, что Кирилл Радов ледяной, бесчувственный, жестокий женоненавистник.

Прошло шесть лет и я снова оказалась рядом с ним и его... маленькой дочкой. Но теперь я взрослая и не дам себя в обиду.

И не позволю себе снова влюбиться! Не позволю... Не позволю...

Содержание

Глава 1. Мила	5
Глава 2. Кирилл	11
Глава 3. Мила	16
Глава 4. Мила	23
Глава 5. Кирилл	30
Глава 6. Мила	37
Глава 7. Кирилл	43
Глава 8. Мила	50
Глава 9. Мила	57
Глава 10. Кирилл	64
Глава 11. Мила	70
Глава 12. Мила	76
Глава 13. Кирилл	84
Глава 14. Мила	91
Глава 15. Мила	98
Глава 16. Кирилл	104
Глава 17. Мила	111
Глава 18. Мила	118
Г	126
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Зинаида Соколова

(Не)Должна быть рядом

Глава 1. Мила

Он занял всё пространство и просто смотрел. Без эмоций и лишней мимики. Ухмылка и острый взгляд в начале, и снова ледяное спокойствие.

— Ты ударилась. — не вопрос. Утверждение.

На секунду опускаю взгляд на ноги. Колени целы, только царапина сверкает ярко-красной полосой. Едва могу сглотнуть от напряжения и страха. А он, вероятно, решил, что я попытаюсь сказать что-то, — замечаю ожидание во взгляде.

— Странное поведение в твоём возрасте. — внимательно смотрит в глаза, не дождавшись от меня ни слова.

Он опять ухмыляется и отходит на пару шагов. Сразу становится легче дышать.

А про какой возраст он говорит? Что значит «в моём возрасте»? Мне всего двадцать два.

— Боюсь представить, как ты объяснишь всё это. — Мужская рука делает круг в воздухе, а я зачарованно слежу за ней взглядом.

— Мила, ты потеряла способность говорить за эти шесть лет, что меня не было? — в его голосе слышу явный оттенок раздражения, хотя интонация почти не изменилась. Такая же, как всегда, замораживающая.

Звук моего имени немного приводит в чувство, и я, наконец, могу совладать со своим телом, которое сковали страх и

напряжение. Провожу одеревеневшими руками по волосам, стряхивая пыль и паутину, то же самое делаю футболкой и шортами.

— Кирилл... Леонидович, вышло недоразумение. — делаю вдох поглубже, пытаюсь унять вдруг резко участившееся сердцебиение. — Я могу всё объяснить.

Как только я начала говорить, мужчина резко дёрнул бровями вверх, но тут же вернул их обратно, словно от удивления не успел уследить за ними.

— Объяснить? — спрашивает, снова подходя ближе ко мне, чем снова выводит меня из хрупкого равновесия. — Припоминаю, что я уже такое словосочетание от тебя слышал. Тогда объяснение было так себе.

Меня накрывает горячая волна стыда и злости одновременно. Я искренне надеялась, что он не посмеет вспомнить тот случай. Наивная дуручка! Знала же, всегда знала, что Кирилл Радов ледяной, бесчувственный, жестокий женоненавистник.

Шесть лет назад.

— Милка, прекрати уже вести себя как ребёнок! — Игорь просто шипел в трубку. — Всего-то и нужно, что выйти из дома и пообщаться со мной. Я скучал! — в голосе обида. — Ты обещала, что будешь поласковой. А выходит одна фигня какая-то. Я приехал, а ты спряталась в своём замке и сидишь, как пенсионерка, дома целыми днями.

Я кусаю губы и пытаюсь совладать с дрожью, что колотит

меня последние пятнадцать минут.

— Игорь, какие дни? Сейчас почти двенадцать ночи. — пытаюсь вразумить парня.

— Вот я и говорю, пенсионерка. Тебе трудно выйти ко мне? Мил, не ломайся, а? Просто мне с тобой поговорить нужно. — Игорь настаивал.

Мне было и страшно и интересно, поэтому и дрожала я как осиновый лист. Мне шестнадцать лет, а я ещё и не целовалась по-настоящему. Чмоки парочки друзей на день рождения не в счёт.

И сестра надо мной шутит по этому поводу. Я белая ворона какая-то получаюсь? С Игорем познакомилась на дне рождения одноклассницы. Ему уже восемнадцать, учится в Москве. Симпатичный, общительный.

Он сразу ко мне подошёл и приглашал танцевать. Танец за танцем. Я стеснялась, но его внимание мне льстило. Сама себя не понимала.

Настойчивый Игорь выпросил телефон, и мы болтали с ним, пока он был пару месяцев на учёбе и не приезжал в наш городок. На расстоянии он мне казался вполне милым.

А сейчас его упорные уговоры меня пугали. Но не хотелось казаться перед ним глупой девчонкой. Меня разрывало от противоречивых чувств.

Мне хотелось нравиться Игорю, но боязно сближаться. Он нравился мне, но не более. Надо что-то решать.

Или ты, Мила, взрослая, или нет.

Я посмотрела на свою ночную сорочку и накинула сверху халат в мелкий горошек. Зачем переодеваться ради пары минут на улице?

Выйду и быстро обратно.

— Мила, ты где там? — Игорь недовольно ворчит в трубку.

— Я сейчас выйду.

— Вот умница! — слышу в голосе восторг. — Ты ж моя радость!

Я невольно улыбаюсь, словно Игорь может увидеть это.

— Ты иди к проулку у дома. Я там. — отключается.

Дрожь в теле усиливается. Волнуюсь очень.

Выйти из дома не так просто, как мне казалось. Мама не спит ещё и уже несколько раз спускалась в кухню, чтобы попить воды и ещё за чем-то.

Выглядываю в коридор. У сестры свет горит, но она и спит с ним, поэтому не обращаю внимание на это.

Тихонько крадусь к лестнице и потом вниз. Быстро обувая кроссовки, которые пока в руках несла.

Ныряю под лестницу и отпираю дверь в сад за домом. Свежий воздух бьёт ароматами весенней ночи. Влажно и сладко.

Бегу по дорожке, и вот уже я за высокой изгородью. Дальше на одном дыхании мчусь за угол и в прогулке, у густых кустов сирени замечаю легковушку с потушенными фарами.

Чувствую себя очень необычно. Я нарушаю запреты, делаю что-то такое, за что мне может достаться от родителей.

Адреналин в крови бурлит, сердце колотится.

Прохладный воздух скользит по голым ногам, и я вдруг осознаю, что халат совсем не прикрыл их. Что же я делаю здесь? Зачем пришла?

— Мила, ты ж конфета моя! — тихий взглас выводит из ступора.

Игорь выходит из машины, и я замечаю ещё кого-то в ней, едва загорается свет в салоне.

Стою, замерев, не знаю, что делать. Вся эта затея внезапно стала неприятной для меня. Но Игорь приближается и резко притягивает к себе.

— Иди сюда. — парень пытается обнять меня, и явный запах алкоголя бьёт в нос.

Дёргаюсь в сторону, но Игорь крепко держит меня за руки.

— Попалась, птичка! — глухо смеётся.

А я замечаю, как открываются двери машины и выходят двое мужчин. Они явно старше Игоря. Им лет по тридцать, не меньше.

Потом происходит кошмар. Мои попытки вырваться лишь веселят пьяного Игоря.

Он быстро закрывает мне рот рукой и крепко держит, заломив руки за спину. Мычу, брыкаюсь, но всё бесполезно.

Двое из машины уже схватили меня за ноги и тащат к заднему сиденью легковушки. Цепенею, понимая, во что я вляпалась.

В ужасе дёргаюсь сильнее, и мне удаётся высвободить руку. Хватаю Игоря за лицо и с силой давлю куда придётся. Пришлось в глаз, и парень взвыл.

И он отпускает мой рот. Ору изо всех сил, но горло выдаёт лишь сиплый свист.

— Ах ты тварь! — матерится один из мужиков.

И я понимаю, что меня сейчас ударят. Кулак почти у моей головы.

Но всё резко останавливается, и я падаю на землю. Меня отпустили, и я, сдирая колени о камни, ползу от машины.

Ползу к ярким фарам, что осветили и меня, и всю эту компанию вместе с Игорем.

Неважно, кто там. Главное уйти от этих уродов, спастись.

Встаю на ноги, не замечая, что халат с меня слетел и сорочка порвалась.

Эйфория от того, что я вырвалась, сменяется ещё одним ужасом. Из большой чёрной машины выходит Кирилл. Кирилл Радов.

Останавливается у капота, перерезав своим крупным телом свет фары. Мне видно лишь мужской силуэт.

— Выросла, значит, девочка. — голос насмешливый и ледяной. — С тремя сразу уже практикуешь?

Глава 2. Кирилл

Наше время

Мне же и противно от своих слов, но от злости они вылетели сами. Как обычно, едва эта пигалица появляется рядом, исчезает моё хладнокровие.

Столько лет прошло, а я сразу же вспомнил тот случай. И ведь узнал тогда, что тех гадов нанял конкурент отца Милы. Из принципа раскрутил всю подноготную их.

И наказание обеспечил. Сам лично проследил за этим.

А вот мысль, что Мила сама вышла к ним, жгла меня долго. Колола память, возвращала в прошлое, которое забыть нужно было.

И вот она сейчас на меня смотрит с такой злостью и обидой, что жгучее удовлетворение растекается внутри — задел, сделал больно.

И значит, Мила не будет питать иллюзий. И планов строить тоже не станет. На мой счёт.

— Но я добрый сегодня и выслушаю твоё объяснение. — отхожу к столу и сажусь на стул.

Мне так даже лучше видно. Посмотрю моноспектакль от Милы Петровой. Глаза поднимаю повыше, чтобы голые колени не маячили и не отвлекали.

Девушка с недоверием посматривает на меня и переминается с ноги на ногу. Неуютно ей. Это естественно, что она

сейчас понять не может, чем всё это закончится.

Обычно люди при мне чувствуют себя неудобно. И это от того, что мне наплевать на мнение окружающих. Почти всех.

— Я не пыталась ничего украсть. Это первое. — Мила обнимает себя руками. То ли в попытке согреться, то ли просто прячется от меня.

Молча жду продолжения.

— Поверьте, мне ничего не нужно у вас красть! — в голосе слышу слёзы.

А ещё злость, будто это я виноват, что застал её на чердаке моего дома.

Мила замолкает и теперь только хмурится. Полминуты я жду продолжения объяснения, но потом понимаю, что девушка и не собирается ничего дальше говорить.

Мила опустила голову, и длинные волосы закрыли лицо. А мне хочется видеть его. Не успел я рассмотреть эту пыльную взломщицу, а она уже прячется.

Делаю несколько шагов, следуя какой-то инстинктивной реакции своего тела. Словно магнитом тянет мою руку к Миле, я отвожу в сторону волосы и прикасаюсь к щеке девушки.

И только в этот момент сознание возвращается ко мне. Что я делаю?

И такой же вопрос застыл в глазах напротив. Мила едва дышит и неотрывно следит за мной.

Прикосновение к коже оставило на руке горячую волну, словно в меня вошла какая-то осязаемая энергия.

Выдыхаю сквозь зубы и разворачиваюсь к девушке спиной. Наваждение немного рассеивается, и я возвращаюсь к столу.

От Милы ни звука, но когда я вновь смотрю на неё, она уже отошла ближе к двери. Что ж, понять её можно.

Ситуация для неё неоднозначная, и не сулит она ничего хорошего. Хотя я ещё и не решил, что делать с этой девицей.

Меня сбили с толку мои действия минуту назад. Я же искренне был уверен, что всё ушло, остыло, забылось, стёрлось, растаяло!

— Ты проникла в мой дом, я поймал тебя. — говорю тихо. — Объяснить ничего не можешь или не хочешь. Значит, мне нужно вызвать полицию, чтобы уже они разобрались со всем этим.

Делаю жест в сторону Милы.

— Не нужно в полицию! — делает шаг в мою сторону. — Пожалуйста.

В этот момент передо мной совсем не двадцатидвухлетняя девушка. Ей на вид — едва ли дашь совершеннолетие. Может быть, отсутствие косметики или огромные наивные глаза так влияют?

Наивные? Да этого в природе уже нет! Тем более у современных девиц это пропадает сразу после выпускного в яслях.

Запрещаю себе рассматривать девушку дальше. Хотя глаза так и норовят скользнуть по её телу, чтобы сравнить. Сравнить с той, прошлой картинкой.

— Что ты делаешь в моём доме? — опять спрашиваю, не имея надежды получить ответ.

Мила голову не опускает, в глаза смотрит, но молчит. Только замечаю, как от волнения зубами обхватывает нижнюю губу.

И что делать с ней теперь? Сам же полицией грозил. На попятную идти не хочется и устраивать разборки, на ночь глядя, тоже.

— Мила, давай уже заканчивать этот... — начал я фразу, и в этот момент в дверь кабинета постучали.

— Да!

Дверь мгновенно открылась, и на пороге появилась Светлана, няня Маши.

Я сразу насторожился. Женщина без причины меня тревожить не станет.

— Что случилось? — говорю громко.

Светлана начинает быстро тараторить, нервно крутя в руках «видеоняню».

— Сестра сломала ногу. Позвонила только что. Мне нужно уехать. Я знаю, что вы говорили про отгулы и всё такое... но мне очень нужно...

— Маша спит?

— Да, конечно. Я уложила её, хотя и с большим трудом. — рассеянно отвечает Светлана.

Эту няню я подобрал по всем правилам. Не юная, но и не старая. Дети взрослые, внуков ещё нет, отзывы прекрасные.

Надеялся, что выбрал лучшую из двухсот человек.

И Маша приняла её не совсем в штыки. А тут какая-то сестра со сломанной ногой нарисовалась, и вся, едва налаженная жизнь, опять меняется.

— Вам когда нужно ехать? — с надеждой спрашиваю я, хотя уже знаю ответ.

— Сей... сейчас, — выдавливает Светлана, немного отстраняясь от меня.

Видно, моё лицо сейчас было гораздо красноречивее слов. За последние шесть месяцев я привык к неожиданностям. И сейчас мой мозг начинает искать выход из ситуации.

Замену Светлане я не найду до утра. Да что уж врать себе. Я её и до конца недели не найду.

— Обратно вы когда?

Женщина растерянно пожимает плечами.

Великолепно. Прекрасно. Замечательно. Я распланировал ближайшие дни такими важными делами, что мне просто невозможно быть дома.

На кон поставлен весь мой труд за последние годы.

Глава 3. Мила

Мне и в голову не могло прийти, что в этом доме живёт Кирилл Радов. Много лет дом пустовал, его никто не охранял, так как он был не самый шикарный среди других.

Хотя мне он нравился. Добротный, из дерева, он выделялся на фоне очень пафосных построек коттеджного посёлка.

И участок большой, весь в деревьях, словно кусочек леса сохранили те, кто строил.

Мне даже показалось, что у меня галлюцинации, едва передо мной появился Радов. Бывает же так, что грёзы оживают?

Когда думаешь много о чём-то или о ком-то, оно и видится везде. Но Кирилл был реален. Едва он открыл рот, это сразу стало понятно.

В моих мечтах этот мужчина был сильным, но добрым, а в реальности опять оказался ледяной глыбой без сочувствия к кому бы то ни было.

Сначала я хотела рассказать, как и для чего оказалась на чердаке его дома, но потом передумала.

Пусть думает что хочет. А хочет он только одного — в очередной раз обидеть меня. Унизить обвинениями, притом совсем незаслуженно.

Конечно, если бы дошло до вызова полиции, я бы призналась, почему оказалась в доме Радова.

Однако настроение Кирилла менялось быстрее, чем я успевала уловить эти перемены. В какой-то момент он оказался рядом и прикоснулся ко мне.

Ожидала чего угодно, но не этого нежного движения в мою сторону. Кожу обдало жаром, и всё закончилось.

Радов резко развернулся и отошёл к столу, оставив меня в состоянии ступора. Несколько секунд я просто пялилась на мужскую спину, а потом быстро отошла поближе к двери.

Это первый раз, когда Радов сам прикоснулся ко мне. Ладно, подумаю об этом потом.

Сейчас у меня нервная система и так на пределе. Мне нужно выбираться из этого дома, а пока ничего не происходит,

что могло бы мне помочь.

Наоборот, сразу после того, как Радов, ни с того ни с сего, потрогал меня за щёку, случилось нечто удивительное.

Выяснилось, что у Кирилла есть ребёнок! Я дышать перестала, пока слушала, как её няня пыталась отпроситься к заболевшей сестре.

Девочка! И, судя по всему, довольно маленькая. Мне и в голову не могло прийти такое — Радов стал отцом! С его самоконтролем и холодностью?

Он женился пару лет назад, и я знала об этом. Сестра мне сразу об этом сообщила. И всё восторгалась невестой Радова. Она вроде француженка или жила там с родителями.

Я подробности не выяснила, мне от этого только тошно было. Зачем теревить бывшие раны?

Я научилась больше ненавидеть, чем любить этого человека. Моё отношение к нему было похоже на болезнь, и я, как могла, исцелялась.

Уехала учиться подальше, не искала информацию о нём, избегала частых приездов домой, чтобы случайно не встре-

тить Кирилла.

И вот теперь стою в его доме и узнаю, что его дочь осталась без няни. Я была в ступоре ещё в тот момент, когда поняла, в чей дом я пробралась.

А теперь новая информация вводит меня в состояние, близкое к шоку. Радов — отец маленькой девочки!

Где же его жена?

— Кирилл Дмитриевич, я вас очень подвела. Пожалуйста, простите. Я всё понимаю, но мне нужно ехать. — возвращают меня в действительность слова няни.

Радов выглядит расстроенным. Пару раз он, задумчиво, проводит рукой по своим волосам, потом резко поворачивается к няне.

— Идите уже. Как сможете вернуться — сообщите мне. И вы понимаете, что чем раньше, тем лучше? — говорит Кирилл женщине.

Няня, быстро кивая, пятится к двери и исчезает в коридоре.

Пока я перевариваю информацию, задаюсь кучей вопросов и собираю мысли в кучу, Радов внимательно смотрит на меня.

Замечаю это и вздрагиваю.

Радов всё видит и слегка улыбается. Нравится ему, что ли, на людей страх наводить?

Потом Кирилл усаживается в кресло и уже рассматривает меня с какой-то особой целью. Так смотрят, когда покупают животных.

— Вы во мне сейчас дырку проглядите. — вылетает у меня фраза, прежде чем я успеваю подумать.

Радов, не меняя заинтересованного выражения лица, открывает свой телефон и кому-то звонит.

— Да, это Радов. Хочу подтвердить своё участие в мероприятии. — говорит спокойно и выслушивает ответ. — Конечно, вполне возможно, смогу потом быть и на выставке. Всего доброго.

Мне как-то неуютно становится, моя интуиция кричит, что в данный момент размер моих проблем увеличился раз

в десять.

Как минимум.

— Тебе двадцать два? — неожиданно Радов задаёт вопрос.

Вместо ответа киваю. Так у меня есть ощущение, что не скажу лишнего.

— Работашь?

Сначала киваю, а потом вспоминаю, что уже два дня, как я безработная. И завтра у меня собеседование.

Начинаю мотать головой в обратную сторону.

— Что с тобой? — спрашивает Радов. — Нервный тик?

— Я уволилась позавчера. Завтра иду на собеседование.
— решаю сказать правду.

— Считай, что ты его прошла. — на лице Кирилла появляется довольная улыбка. — Зарплата в два раза больше, чем тебе обещали в том месте. Плюс полный пансион. Еда, медстраховка, такси и так далее.

Мои глаза увеличиваются с каждым словом Радова.

— В смысле, прошла? — вопрос почти шёпотом произношу.

— В прямом. Я уезжаю рано утром. Ты остаёшься в доме. В роли няни моей дочери. — мужчина поднялся из кресла. — Или едешь в полицейский участок. Выбор за тобой.

Трашу головой, словно от этого может развеяться, испариться вся эта абсурдная, нереальная, сумасшедшая ситуация.

Не помогает.

Напротив, всё так же, стоит высокий мужчина и ждёт ответа на свой вопрос.

Глава 4. Мила

— Я ничего не хотела воровать! Зачем полиция? — возмущаюсь, — В этом доме никто не жил. Ничего не пропало!

Кирилл приподнимает бровь, и это все эмоции, которые он показал в ответ на мои восклицания.

— Здесь живу я и моя дочь. Ты не могла не заметить света в окнах. Но теперь это и не важно. Думаю, что факт проникновения в чужую собственность достаточно веский, чтобы у тебя были проблемы. — ровно и спокойно отвечает Радов.

Карусель мыслей останавливается у меня в голове, и я понимаю, что формально всё так и есть.

Такой инцидент, как попадание в полицию, однозначно выльется в неприятности потом. И ещё какие неприятности!

Дома только и ждут, когда можно будет от меня избавиться. С работой получится полное фиаско — кому нужен специалист с пусть даже и условным сроком?

Милости от Кирилла Радова ждать не приходится. Вся его

репутация говорит только о том, что он никогда не отказывается от своих намерений.

Ещё мой отец мне сказал, что Радов похож на бульдозер. Прёт вперед, и его не остановить.

— Но вы же понимаете, что от меня не случилось никакого вреда! — выдаю я в последней наивной надежде разжалобить это каменное изваяние по имени Кирилл.

Улыбка. Я в шоке замираю. Радов улыбается мне, хотя в глазах холод. Но даже просто растянутые в улыбке губы невероятно меняют лицо мужчины.

— Мила, ты либо наивная, либо глупая. — говорит Радов. — Но мне нравится твоё упорство и терпение, с каким ты пытаешься улизнуть от ответа за свои поступки. В работе няни это важное качество. Только в данном случае оно тебе, наоборот, поможет справиться с ответственностью.

Мне кажется, что я сплю и вижу страшную сказку. В ней принц похож на злодея, а главная героиня не нужна никому и спасти её некому. Как мне отсюда проснуться и уйти?

— Если я преступница, то как вы можете оставить меня со своим ребёнком? — выдаю самый большой аргумент, кото-

рый может привести хоть в какое-то чувство хозяина дома.

Радов выглядит совсем не впечатлённым моим доводом. Он просто отходит к столу и берёт в руки телефон.

— Погодите! — почти кричу и подлетаю к мужчине, пытаясь остановить его.

Хватаю его за руку, в которой находится телефон, и крепко держу за запястье.

Кирилл замирает и просто смотрит то на меня, то на свою руку. У него такой вид, словно он не верит тому, что видит.

А я вдруг чувствую волну жара, что окутывает меня с головы до ног. Я никогда сама не прикасалась к Кириллу Радову.

Это и в голову мне не приходило. А теперь, впервые, по-настоящему понимаю, что этот мужчина реален.

Живой, из плоти и крови.

Мои пальцы сейчас ощущают плотную, горячую кожу, жёсткие волоски на тыльной стороне руки.

Мизинцем задевают гладкий и прохладный край манжеты рубашки, и он очень контрастирует с горячей кожей.

— Ты так и будешь стоять? — слышу вопрос.

А ещё я его чувствую — горячее дыхание у моего уха накатывает волнами вслед за словами вопроса.

Мне кажется, что все волосы на моём теле зашевелились от того, как близко ко мне сейчас находится мужчина.

И не просто мужчина, а тот, о котором мой дурацкий мозг мечтал очень долго. Очень.

Сознание моё едва справляется с такой сенсорной перегрузкой — прикосновения, жар, запах.

Происходит невероятное — я нахожу силы, чтобы отпустить руку Кирилла и отойти на пару шагов назад. А это были очень непростые шаги. Радов обладает свойством магнита, из его ауры почти невозможно вырваться.

Как бы разум не кричал, что так нельзя, что это всё глупости, а тело с трудом преодолело магнетические путы Кирилла Радова.

Теперь все разговоры девчонок о том, что можно потерять голову и быть безвольной куклой в руках мужчины, не кажутся мне глупостью.

Сама я опыта не имела на этот счёт и поэтому не верила в такое.

Нет, я умная, адекватная девушка и не могу всерьёз воспринимать всю эту чушь про непреодолимое притяжение между мужчиной и женщиной.

Я тру пальцами виски, возвращая себе хоть какой-то контроль над собственным телом.

Оно предало меня сейчас самым банальным способом, но я подумаю об этом чуть позже. И сделаю выводы.

А сейчас нужно выбираться из этой паутины.

Поднимаю глаза на Радова. Он стоит у стола и просто сверлит меня взглядом. Тёмным и очень внимательным.

В эту минуту мне кажется, что Радов будто заново меня увидел и теперь не очень понимает, кто перед ним.

— Я не умею обращаться с детьми. — говорю тихо, но

мужчина меня слышит.

— Врёшь. — сразу летит в ответ.

Мне становится нехорошо. Радов блефовать со мной не будет, не его уровень. Значит, он знает.

Знает, что я почти три года была волонтером в отделении отказников. Это самые тяжёлые, но и самые лучшие дни моей жизни. Там я была нужна, по-настоящему необходима.

А Радов знает про это. Как? Для чего он это узнавал? Моя голова сейчас банально лопнет.

За последние полчаса одна шокирующая информация сменяется другой, и нервная система не в силах всё это переработать.

— Но зачем я вам? — в отчаянии шепчу. — Найти няньку не проблема, особенно за хорошие деньги.

Кирилл как-то грустно хмыкает и опускает голову, словно решил рассмотреть свои ботинки.

— Деньги — слишком маленькая гарантия, что всё будет хорошо с моей дочерью. — Радов опять смотрит на ме-

ня. — А с тобой всё складывается лучшим образом. Считай, что оказалась в нужном месте в нужное время. От тебя требуется только исполнить обязанности няни, пока не вернётся прежняя. согласишься — очень хорошая зарплата, страховка, полный пансион. Откажешься — пансион тебя ждёт в другом месте.

Глава 5. Кирилл

У меня возникают серьёзные сомнения в адекватности одного гражданина. Меня. Какая муха меня покусала, что я веду себя, примерно, как кот в марте? Они не чувствуют боли и не ведают страха, лишь бы их зов природы был услышан. Лезут в заведомо проигрышные драки ради своих желаний.

А я совсем поплыл, едва меня коснулась одна странная девушка, с которой у меня ничего не было кроме... Кроме чего? Мыслей о ней? Если кто-то из моего окружения только бы узнал, какая муть сейчас в моей голове, то вызвал бы скорую из психушки.

Язык мой выбалтывает самые сокровенные тайны, я совершаю поступки, сравнимые с поведением подростка. Вот хочу я девочку и всё тут! Должна быть моей, рядом со мной. Должна быть рядом.

Естественно, что няню найти очень непросто. Особенно в такие сроки, но всё же возможно. И Мила Петрова это понимает, и я. Но дело не в этом, а в том, что только одна мысль о новом чужом человеке рядом с Машей вызывает дрожь.

Мне становится жарко, едва я осознаю, как перевёл Милу в разряд своих. Слишком долго она живёт в моей голове, чтобы считать её чужой. Невозможно представить этого.

Конечно, я хоть временно и двинулся головой сейчас, но понимаю, как непросто будет Маше. Опыт показывает, что моя дочь очень чувствительный ребёнок. Она реагирует на любые эмоции человека рядом. Однако выбор у меня небольшой.

Если отбросить все мои заморочки в отношении Милы, то она, как ни крути, остаётся лучшим вариантом в няни. Её моральный облик в расчёт брать не будем. Маше нет и года, поэтому важнее ответственность и чуткость.

Буквально с завтрашнего дня весь дом будет напичкан камерами и охраной. За отсутствие этого сегодня я уже поплатился, поймав в своём доме головную боль в шортиках и с паутиной в волосах.

Но то, что Мила работала с младенцами, даёт большой плюс к её карме. Подробности её волонтерства я узнал пару лет назад и, честно сказать, пытался найти выгоды этого для Милы. Однако Петрова была лучшей среди их компании, кто помогал больнице, но никаких особых почестей она не заслужила.

После я дал себе слово не искать ничего про Милу и старательно его держал. До сегодняшнего дня. А сегодня я просто решил поселить девушку у себя дома. Вот такой я «молодец». Но думать некогда, буду действовать.

Такая тактика может быть опасна, но и может спасти в трудную минуту. Опасности я нивелирую, а вот помощь Мила мне окажет. Вернее, Маше.

— Это просто ваша прихоть? — Мила отвечает на мои слова про условия работы и возможность выбора. Или няня, или в полицию.

— Это необходимость. Ничего личного, но будет тебе уроком. Хотя общение с Машей, скорее, подарок. — отвечаю спокойно.

— То есть никакие доводы мне не помогут уйти домой и забыть нашу встречу, как страшный сон? — девушка с надеждой смотрит на меня. А в глазах уже есть понимание неминуемого согласия с моим предложением.

— Встречу забудешь потом, когда сдашь свои обязанности предыдущей няне.

— И когда это будет?

— Ты слышала наш разговор, поэтому и сама можешь ответить на свой вопрос.

Иду к двери, но, не слыша шагов Милы, резко поворачиваюсь. Девушка, оказывается, шла рядом.

— Ты ходишь бесшумно, как кошка. — констатирую факт.

— А ещё кошки умеют царапаться. — резко отвечает девушка.

— Да, однажды я это наблюдал.

Мила вспыхивает и складывает руки на груди.

— Так мы идём или так и будем вспоминать дни вашей молодости?

Я сжимаю губы, но усмешка успевает вылезти наружу.

— Не так уж я и стар, девочка. Дочери только полгода.

Мила закатывает глаза, словно я сказал несусветную глупость.

пость.

— Поздновато же вы стали размножаться. — бодро говорит Петрова и тут же, испуганно, прикрывает рот рукой и округляет глаза.

Вот ведь как интересно. Не один я сегодня за словами уследить не успеваю. Мила тоже, гляжу, имеет мнение, которое не собиралась говорить мне.

— А ты остра на язык. Это хорошо. Значит, мозг креативный. — нарочито серьёзно отвечаю на колкость девушки. — Машина комната в конце коридора.

Мы быстро добираемся до двери детской.

— Сейчас ты просто посмотришь на неё и мы пойдём в твою комнату.

Девушка замерла и отошла от меня на пару шагов.

— Мою комнату? — в словах испуг и недоверие.

Я непонимающе смотрю на Милу.

— Конечно. — тихо говорю, чтобы дочь не услышала. —

Ты же не хочешь жить в коридоре?

Девушка замирает, а потом, словно поняв что-то, коротко кивает и заметно выдыхает. До меня доходит — она думала, мы с ней пойдём в её комнату.

— Мила, успокойся, мне от тебя нужно только одно. — делаю паузу, и Петрова снова напрягается. — Услуги няни. А те компетенции, о которых ты подумала, ещё недостаточно у тебя сформировались.

Девушка молчит, хотя поджатые губы вполне красноречиво говорят о том, куда бы меня послали, если бы были другие обстоятельства.

Прекращаю разговор и приоткрываю дверь. В комнате полумрак. Пар ночников рассеивают тьму тёплым, тихим светом.

Подхожу к кроватке и вижу, что Маша сладко спит, совершенно не имея понятия, какие бури тут происходят вокруг неё.

Моя дочь прекрасна, и я в этом убеждаюсь каждый раз, когда вижу её. Это лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь.

Я киваю Миле, и она подходит ближе к кроватке. Немного наклоняется и внимательно смотрит на ребёнка. У меня в груди появляется какое-то странное чувство. Мне вдруг важно, чтобы Мила увидела мою дочь так же, как вижу её я. Самой лучшей, единственной.

Провожу ладонью по своему лицу, чтобы снять этот морок sentimentalности и вернуться в здоровое состояние. Радов, приди в себя. У тебя куча проблем, а ты сопли розовые пустил!

Сосредотачиваюсь на Миле и дочери. И, внезапно, Маша распахивает глазки и упирается взглядом в девушку. Я замираю в ожидании плача, но проходит секунда, вторая, и Маша делает неожиданное. Она улыбается.

Глава 6. Мила

Это как на качелях — вверх взлетаешь и вдохнуть не можешь, а вниз летишь — выдохнуть. Так я себя сейчас чувствую рядом с Радовым.

Когда я поняла, что попала в его дом, шок был непередаваемый. Дышать не могла нормально несколько минут. Было ощущение, что попала в собственные мечты, только не совсем такие, как представлялось.

Главные герои те же, только нет ничего общего с событиями, которые обычно роились в моей голове. Романтические грёзы, как и положено, разбились о реальность.

Но я девушка, как бы там ни было, трезвомыслящая и поэтому свои несбыточные мечты держала в узде. Мечтать — пожалуйста, а вот верить в них я не собиралась.

Кирилл выглядел прекрасно, а я была похожа на пыльную кошку, что пролезла за шкафом и собрала на себя паутину и пыль. Уже это было далеко от романтики.

А угрозы сдать меня в полицию совсем не выглядели по-

хожими на симпатию.

Едва я пришла в себя, как новый шок от предложения быть няней. Вернее, не предложили, а шантажом заставили.

Я хотела уже было признаться, зачем залезла в дом. В этом нет ничего криминального. Правда, доказательства мои никто не принял бы в расчёт.

Напротив, они бы вызвали лишь насмешки. Моей целью был кот, который не первый день бегал у соседних коттеджей.

А потом скрывался в этом доме, едва я пыталась его поймать. Ещё на прошлой неделе я заметила его у дороги. Кто-то его из машины выбросил или просто он потерялся.

Я прикормила его, но в руки кот не давался. И сегодня мне удалось перелезть через забор и потом по дереву на второй этаж, вслед за прыткой животиной. Окно было открыто, и вот там меня и поймал Радов.

Кота и след простыл, а проблемы я словила. И немалые. И одна из них сейчас смотрела на меня глазами своего отца, улыбаясь беззубым ртом.

Папаша её выглядел очень уверенно в любой ситуации, но рядом со своим ребёнком превратился в другого человека. Я увидела, как он напряжённо смотрел перед собой, когда мы вошли в детскую.

Но, едва его взгляд остановился на дочери, вся жёсткость исчезла. Однако мне не пришлось увидеть, что там дальше происходило с Радовым.

Всё моё внимание заняла маленькая девочка, которая безмятежно раскинула руки в кроватке. Я наклонилась, чтобы рассмотреть малышку, а она проснулась.

Девочка секунду смотрела на меня, а потом растянула губки в улыбке. Едва я успела осознать это, как малышка перевела взгляд на отца.

Радов протянул руку, и дочь схватила его за неё, радостно задёргала ножкой. Теперь был мой черёд улыбаться. При этом я даже не поняла, как меня полностью поглотила эта картина.

Кирилл погладил дочь по животику и потом ловко подхватил на руки.

— Знакомься, это Маша. — просто сказал Радов, обраща-

ясь ко мне. — Маша, это Мила. — Теперь уже для Маши.

Малышка внимательно смотрела на меня с рук отца и не плакала. Хорошее начало, если уж так получилось, что нам с ней выпало быть какое-то время вместе.

— Привет, Машуля! — мягко я обратилась к девочке, вглядываясь в её личико.

Кроме глаз отца ей достались его брови. Так смешно сморщила их девочка, едва я протянула руки, приглашая её к себе.

Радов уедет через несколько часов, и нечего тянуть время, нужно знакомиться с моей юной подопечной.

— Маша настороженно относится к новым людям. — тихо проговорил Кирилл, переводя взгляд с меня на Машу и обратно.

— У неё на это есть веские причины, правда, Маша? — шутливо спросила я, не опуская протянутых рук.

Я пошевелила пальцами, привлекая внимание девочки, и улыбнулась.

Время длилось, а малышка смотрела. Не плакала, а просто изучала меня. Затем резко повернула голову к отцу, словно спрашивала разрешения и оценивала его реакцию на новую непонятную «тётю».

Я тоже взглянула на Радова — он смотрел на меня. Вернее, рассматривал, изучал.

— Что? — спросила я автоматически.

Мне вдруг показалось, что Кирилл передумал насчёт няни для Маши. В его глазах мелькнуло и сомнение, и раздражение. Но все эти эмоции быстро испарились. И были ли они? Скорее всего, мне показалось.

Радов ничего не ответил на моё восклицание, но я и не ожидала объяснений.

Маша в этот момент вскинула ручки и наклонилась ко мне. Я обхватила девочку руками и легонько потянула. Опа! Малышка у меня на руках!

Мне было не до Радова, так как всё моё существо было поглощено тёплым малышом, что тихонько пристроился у меня на сгибе руки. Маша изучала меня тщательно. И глазами, и руками.

А я просто улыбалась и молола обычный набор по такому случаю — какая Маша красивая, какая милая и так далее по списку.

И до определённого момента я совсем не понимала, что Кирилл стоит не просто рядом, а вплотную. Маша трогала мои щёки, когда ощутила жар от большого мужского тела.

На мгновение я замерла, не зная, как поступить. Моей бедной психике сегодня и так досталось, а тут ещё и Радов ко мне прижался!

Ладно, не прижался, это я сама подошла слишком близко, когда брала ребёнка. Я в таком состоянии, что не успеваю следить за дистанцией, за своим языком и эмоциями.

Краска заливает меня, горячая волна проходит сквозь тело. Мне действительно стыдно, неудобно, я смущена.

И непонятно, как реагировать на всё это. И нужно ли? Хорошо, что у меня на руках ребёнок и можно просто сделать вид, что я ничего не заметила.

Глава 7. Кирилл

Вечер выдался очень необычным и, главное, обещал ещё более необычное продолжение. Мила в моём доме в роли няни.

Такое не могло мне прийти в голову, присниться или пригрезиться. Мила Петрова держит на руках мою дочь, нежно воркует с ней и совсем не замечает, как мы прижались друг к другу.

Я жду, когда девчонка сама поймёт, как близко мы стоим. С интересом наблюдаю за этим процессом.

Мила краснеет и замирает, но не отодвигается от меня. Я чувствую разочарование и раздражение от этой игры в невинность. Но моя усмешка гаснет, так как Маша начинает капризничать.

Плевать мне на эти ужимки Милы, главное — Маша, на удивление, сразу приняла её. А Петрова не дура совсем, чтобы рисковать своей свободой.

Мысленно стряхиваю с себя все лишние заморочки с Ми-

лой. Она няня временно, а потом пусть катится куда хочет.

Отхожу в сторону, и Мила, явно с облегчением, выдыхает. Странная она.

Девушка ловко укачивает мою дочь, одновременно поправляя одеяло в кровати. Я отмечаю, насколько естественно она это делает.

Надо же, и с мужиками гулять успевает, и с малышней в больнице возиться.

Просто наблюдать за Милой оказалось очень интересно — она двигается грациозно и легко, несмотря на ношу в виде Маши. А моя дочь уже практически уснула, пока я пялился на её новую няньку.

— Спит. — констатировала факт Мила, переложив девочку в кроватку и поворачиваясь ко мне.

Стоит и смотрит на меня, в ожидании. На секунду у меня мелькает мысль, что она сейчас подойдёт ко мне ближе. Как недавно было, но нет, Мила просто стоит и ждёт.

Меня снова накрывает раздражение. Словно Мила виновата, что я её заставил быть няней, заставил быть в моём до-

ме. Челюсть сжимается от напряжения, и хочется что-нибудь сломать или разбить.

Мне казалось, что я давно научился справляться с такими чувствами. Всё давно было в узде — злость, гнев, ярость.

Но стоило почувствовать тепло тела этой девчонки, и мой внутренний зверь вышел на арену. Почуял, что может, наконец-то, получить своё.

Нет ничего его. Чужая девушка, которая была когда-то больше выдумана мною, чем существовала в реальности. Навивность и горячность тогда были во мне. Вот и захлестнуло мозги.

На пару секунд, под этой волной злости, возникает желание отправить отсюда Милу Петрову. Из дома, из жизни. И выбить из головы её образ.

Стоит вот, смотрит. Больше похожа на неблагополучного подростка, чем на взрослую девушку из обеспеченной семьи.

Делаю над собой немалое усилие и подхожу к Миле. Её глаза расширяются при каждом моём шаге. Я вновь ощущаю жар от её тела. Протягиваю руку и завожу её за спину девушки.

На моей коже ощущается судорожный выдох. Я смотрю в глаза Милы, и мне чётко видно, как увеличились зрачки. Мои губы непроизвольно дёргаются, словно настраиваются на сладкий, долгожданный поцелуй.

Но нет, Радов. Всё было решено давным-давно. И ничего менять нельзя.

Я почти прижимаюсь к девушке и беру в руку радионяню, что стоит на комодe позади неё.

Резкий поворот, и я уже у двери комнаты. С удивлением отмечаю, как прохладно стало всего в двух шагах от Милы.

— Идём. — тихо зову её и выхожу в коридор.

Позади слышу аккуратные шаги.

Не поворачиваясь к девушке, толкаю соседнюю дверь.

— Это моя спальня. — бросаю через плечо и иду дальше.

У следующей двери останавливаюсь и, открыв дверь, приглашаю Милу пройти внутрь.

— Это твоя комната. — говорю девушке и внимательно рассматриваю её.

Пунцовые щёки и алые губы, которые, явно, кто-то покусывал от волнения. Мила водит взглядом по стенам спальни, но выглядит так, словно не понимает, где она и зачем ей показывают эту комнату.

— Здесь ты будешь жить в ближайшее время. — поясняю, неотрывно следя, как девушка удивлённо моргает.

— Моя комната через стену с вашей? — вопрос звучит сдавленно.

— И что в этом удивительного? — со всей возможной холодностью отвечаю я. — Моя дочь для меня самое ценное, и поэтому и я сам, и те, кто заботится о ней, должны быть рядом.

— А, ну да, конечно. — Мила натянуто улыбается и складывает руки на груди, словно её внезапно стало холодно.

Но яркий румянец говорит, что дело совсем не в холоде. Хотя девушка одета очень легко, её тело явно пышет жаром.

— Здесь есть всё необходимое, кроме одежды. Уйти ты не

можешь, значит, просто закажи доставку всего, что нужно, чтобы тебе не пришлось выходить за пределы дома. — ловлю хмурый взгляд. — Считай это рабочим оборудованием. Оплачивает работодатель. От тебя требуется самое важное — забота о Маше. Отвечаешь за неё головой. Надеюсь, это понятно?

Мила смотрит уже совсем по-другому. Серьёзно и вдумчиво.

— Кто ещё будет в доме? — вопрос по делу, молодец.

— Сегодня только два человека охраны. С утра ещё двое приедут. Они будут постоянно. Повар приходит утром. Уборка тоже, но они уходят через несколько часов. — выдаю быстро. — Остальное тебя не касается. Все вопросы по Маше — сразу ко мне. Телефон тебе выдам утром.

Мила внимательно слушает и явно старается запомнить.

— Сразу предупреждаю, что все твои действия будут под контролем. — говорю довольно сухо.

— Не сомневаюсь. — девушка кивает и слегка кривит губы.

— Тебе нужно сообщить домой, где ты? Или ты сама решаешь, где находиться? — не могу сдержать в себе сарказм.

Мила резко меняется в лице.

— Нет.

Глава 8. Мила

У меня горят уши, щёки, руки и всё тело. За вечер я два раза практически прижималась к Кириллу Радову. От таких невероятных событий мой организм впал в эйфорию и выдаёт тепло, как ядерный реактор.

Краснею вся целиком. Высший пилотаж смущения от Милы Петровой! А ещё высшая оценка за умение вляпаться в то, что и выдумать сложно.

Кто же из моих знакомых поверит, что я способна проникать в чужие дома? Никто. И мне не хочется, чтобы они узнали об этих моих умениях.

И полиции этого знать не нужно. Ведь Радов вполне способен мне устроить неприятности. Скажет, например, что пропало нечто ценное из дома, и всё. Сиди, Мила, в темнице сырой.

В темницу-то я всё равно попала. Правда, она вполне комфортная и зарплату обещали хорошую. А общение просто великолепное — с милой полугодовой девочкой Машей.

Папаша её уезжает, и у меня получится немного выдохнуть и подумать. Подумать о нашей встрече. Такая случайность просто удивительна.

Или, наоборот, в порядке вещей встретиться с тем, с кем живёшь рядом. Хотя Кирилл не был в нашем посёлке уже довольно давно.

Но его родители — наши соседи. И пока был жив отец, мы общались. Самые первые воспоминания о Кирилле у меня лет в шесть.

Потом было много счастливых дней, но они закончились после смерти папы. И тот случай, когда Радов спас меня, был как раз перед этим.

Всё, хватит воспоминаний. Нужно сосредоточиться и сделать всё, чтобы в отсутствие Кирилла справиться с обязанностями няни.

Мы с ним прошли в гостиную, и он познакомил меня с крепким мужчиной Алексеем.

Алексей кивнул в знак приветствия и цепко оглядел меня с ног до головы. Но ничего скользкого в этом осмотре не было. Так смотрят, наверное, на стол или стул, который нужен

для работы. Как на неодушевлённый предмет.

— Чтобы ни случилось, ты можешь обратиться к нему. Он в курсе многих вопросов по дому. Если вдруг я буду недо-ступен, Алексей решит любой вопрос. — Радов говорил со мной, как с обычным работником.

Чётко, коротко и без эмоций.

Я невольно засмотрелась на то, как Кирилл стоит впол-оборота от меня и, наклонив немного голову, смотрит в ка-кой-то документ.

— Через час приедет медик и возьмёт у тебя анализы. — слышу я странную фразу.

— Анализы?

— Жаль, что приходится это делать после твоего общения с Машей. — с досадой говорит Кирилл. — Но ничего поде-лать нельзя было, к сожалению. Обстоятельства меняются, и я уеду не утром, а через два часа.

— Можешь не волноваться. Я здорова. На последнем ме-сте работы у нас была медицинская книжка. — чувствую се-бя неприятно, но и понимаю Радова.

Маленький ребёнок важнее, чем любые взрослые заморочки.

— Неважно, никогда не можешь быть уверен, пока не проверишь. — сухо отвечает Кирилл.

Естественно, что я молчу в ответ. Тут не поспоришь, хотя его замечание колет меня подобно острой игле. Есть в этом замечании нечто обидное. Словно именно я не внушаю доверия.

Радов подходит к кожаному портфелю и вынимает конверт.

— Держи. — протягивает мне белый прямоугольник. — Карта на моё имя, но там сумма как раз чтобы ты... ммм... привела себя в нормальный вид. — мужчина слегка морщится. — На эту же карту придёт аванс и зарплата.

Я автоматически протягиваю руку и беру конверт.

Лицо Кирилла в этот момент непроницаемо, но я не могу оторвать глаз от него. Словно, вглядываясь, можно увидеть нечто важное.

Мужчина замечает моё внимание.

— Мила, ты потеряла что-то на моём лице? — сквозь маску проскальзывает едкая усмешка, а в глазах мелькает недобрый огонь.

— Нет! — тороплюсь ответить и отвожу взгляд. — Просто я хотела спросить про питание Маши. И что, и где найти.

Радов как-то сдавленно выдыхает и потом утвердительно кивает.

— Идём на кухню.

Я слеую за ним, краем глаза замечая, что Алексей пошёл к выходу.

Минут десять Кирилл рассказывает, что и как ест его дочь. Как любит играть и спать. Я удивлённо слушаю и понимаю, что Радов действительно сам много занимается ребёнком.

У меня вертится на языке вопрос про мать Маши, но я ничего не говорю. Я просто няня, и какое моё дело, что и как произошло у Кирилла и жены? Это меня не касается.

Моё дело — Машуля. Вот с ней я и буду беседовать. Невольно улыбаюсь этим мыслям.

— Странная у тебя реакция на информацию о каше для детей. — Кирилл неожиданно наклоняется ближе к моему лицу и смотрит прямо в глаза.

— Что такое?

— Да вот смотрю, в здоровом ли уме няня моего ребёнка.
— Радов серьёзен.

Магнетизм его пристального внимания почти невыносим. Дыхание замирает от близости этого человека. И меня посещает совершенно неуместная мысль о том, каково это быть в объятиях Кирилла.

По-настоящему. Когда и женщина, и мужчина охвачены чувством и влечением. Когда тебя любят и хотят.

Я едва справляюсь с собой и вытягиваю себя из омута глаз напротив, из волн тепла от его широкой груди.

— Просто я вспомнила Машу, и улыбка сама собой появилась.

Радов хмыкает и выпрямляется, смотрит на меня сверху.

— Ладно, засчитаю твой ответ за верный.

— Конечно, верный. Зачем мне врать? — я зачем-то продолжаю тему, от которой уйти бы нужно.

— Люди врут просто по привычке. Правду нелегко выносить. Она лишает иллюзий. — задумчиво вещает мужчина.

И мне кажется, что это сейчас не совсем про меня.

В этот момент оживает радионяня, и я сразу спешу в детскую.

Глава 9. Мила

Я работала с малышами, но никогда не была с ними круглые сутки в течение продолжительного времени. А с того момента, как я услышала плач Маши, Радова я больше не видела.

Он не пришёл в детскую. Я видела, как Кирилл направился следом за мной, но ему позвонили, и он остался в гостиной.

Потом мне было не до размышлений о хозяине дома, так как его дочь полностью поглотила мои мысли. Маша — прекрасный малыш, но нам было непросто сразу привыкнуть друг к другу.

В первые сутки я получила весь набор — плач, отказ от еды, нежелание спать.

Я металась с Машей на руках, когда в детскую постучал Алексей.

— Да! — крикнула я неожиданно громко.

Нервы на пределе.

— Я принёс вещи. — немногословно сообщил мужчина и поставил на стул большой пакет.

— Вещи? — я была сбита с толку.

— Да, одежда для вас. Кирилл Леонидович попросил купить и привезти. — Алексей говорит спокойно, как с неразумным ребёнком. — Это самое необходимое на первое время, а остальное вы сами закажете. Кроме этого, вот вам телефон с новым номером. И с контактами Кирилла Леонидовича и моими.

Охранник выкладывает на стол коробку.

— А это ваш старый телефон. Мы нашли его на чердаке. Он работает. — продолжает Алексей. — Людмила Андреевна, я так же хотел вас предупредить, что...

— Людмила Андреевна? — я в шоке повторяю своё полное имя. — Меня зовут Мила.

Маша на удивление затихла, словно общение с охранником для неё развлечение. Она округлила свои глаза и внимательно смотрит на мужчину. Слез как не бывало, и только

тяжёлые и рваные вздохи напоминают о том, как отчаянно она рыдала десять минут назад.

Алексей не повёл и бровью на мои возражения.

— Мне даны чёткие указания, Людмила Андреевна, и я буду им следовать. И хотел вас предупредить, что сегодня и завтра будут вестись работы по настройке видеонаблюдения. Несколько человек уже находятся в доме. Вы не беспокойтесь, всё безопасно.

Я не успеваю и слова сказать, как мужчина бесшумно покидает комнату. Стою с открытым ртом и смотрю на дверь.

Маша завозилась, и я переключилась на неё. Ещё час длилась наша операция «Маша усни».

Но, слава богу, силы покинули этот вечный моторчик, и девочка блаженно засопела. Я смотрела на неё и не могла поверить, как такая милая малышка может быть такой громкой и капризной. Сейчас она была похожа на ангела.

И снова я вгляделась в лицо девочки в бессознательной попытке разглядеть, чем ещё она похожа на отца. Бровки её сейчас были расслаблены, и мне показалось, что в данную секунду она полностью копия своего папочки.

У меня внутри всё потеплело и захотелось поцеловать Машины щёчки. Умиление затопило меня, как не раз бывало у меня с малышами. Но с Машей всё сложнее. Я ощутила тоску, будущую тоску.

Ту, что будет, когда я уйду отсюда.

Урчание моего желудка остановило мои душевные терзания о том, чего ещё не случилось, и я аккуратно уложила Марусю в постель. Девочка так устала плакать и кричать, что совсем не заметила моего манёвра.

Итак, мне нужно поесть и переодеться. И у меня есть вещи. Я тихонько открыла пакет и с изумлением обнаружила целый комплект из футболок и брюк. Моего размера!

Ниже лежали спортивный костюм, кроссовки, домашняя обувь, косметический набор с кремами, гелем для душа и шампунем. И с самого дна я извлекла хлопковые комплекты нижнего белья и пижамы! Всё очень качественное и точно мне подойдёт.

Стою с одеждой в руках и растерянно смотрю на неё. Внутри непонятная дрожь от того, что кто-то подарил мне такое. И дело совсем не в цене. Дело в особенном внимании.

Маша завозилась, и это привело меня в чувство. Поправляю кокон, в котором спит девочка, и сама себя ругаю. Развела тут сантименты! Трусы ей подарили, видите ли! Может, Радов всем няням такие комплекты покупает. А то и получше.

Нечего время терять, Мила. Займись делом. Нужно быстро в душ и переодеться, а потом обязательно еда. Незвестно, сколько Машуля продрыхнет. Я её режима не знаю, поэтому давай, Мила, в темпе вальса!

Я тут же снимаю с себя свою одежду, оставаясь только в трусиках и лифчике. Беру гель, шампунь и бегу в душ прямо в детской. Некогда мне бродить по комнатам.

Какой же кайф смыть с себя пыль и напряжение трудного дня. Я сразу ощутила прилив сил и настроения. Вода всегда так на меня действует.

Одежду я забыла, поэтому заворачиваюсь в полотенце и иду в комнату. Выбираю комплект белья и закрытую пижаму, которая больше похожа на домашний костюм. Уже почти ночь, и нет смысла надевать что-то другое.

Поворачиваю замок на двери и скидываю полотенце, что-

бы переодеться. Попутно прислушиваюсь к звукам из кровати. К моему счастью, всё тихо.

Шустро натягиваю одежду и пытаюсь расчесать волосы пальцами, чтобы они быстрее высохли. В ванной есть фен, но я не рискну сейчас шуметь.

Проверяю радионяню и выдвигаюсь в сторону кухни. Если не подкреплюсь, то едва ли я доживу до утра. С утра во мне побывал только бутерброд с сыром и кофе.

Холодильник у Радова похож на космический корабль, но я быстро разобралась, где и что там есть.

Разогреваю мясо и накладываю себе свежих овощей. Добавляю к этому кусок пирога с малиной, пару бананов и пачку сока. Про себя отмечаю, что с питанием в этом доме проблем не будет.

Я поела прямо в детской. Блаженно прикрыв глаза, я попивала сок, когда раздалась вибрация того нового телефона, который принёс Алексей. Смотрю на экран. Кирилл Леонидович. Видно, что смартфон настраивал Алексей — любитель официальных обращений.

— Алло! — тихо говорю в трубку.

— Мила, в детской видеонаблюдение работает с первого дня, как мы с Машей переехали. — слышу безэмоциональный голос Радова. — Я онлайн в любое время вижу, что происходит в комнате. А ещё идёт запись.

Я даплюсь соком.

Глава 10. Кирилл

Мне пришлось уехать быстрее, чем я предполагал. Даже к Маше я не пошёл перед тем, как покинуть дом. Глянул в телефон, где на приложение приходит трансляция из детской комнаты, и убежал.

Мила вполне уверенно взялась за дело, и мне было даже спокойнее за Машу, чем обычно. У меня есть, конечно, претензии к Петровой. Касаются они её некоторых личных качеств, характера и поведения.

Но все эти моменты лежат в плоскости, далёкой от ухода за детьми. А от Милы мне нужно только это. И ничего другого.

В самолёте я, честно говоря, уснул. Последняя неделя была такая, что даже мой тренированный организм подустал.

Моя юридическая фирма открывала филиалы по всей стране, а это значит, что возникает куча проблем и сложностей. И прежде, чем всё заработает, как часы, придётся много, очень много работать.

Работать так, чтобы вылетело из головы всё, кроме Маши и её благополучия. Последние полгода стали и лучшими за всю жизнь, и самыми непростыми.

Если бы я не пахал, как одержимый, то меня бы душило чувство вины из-за дочери. Она осталась без матери, едва появилась на свет. И в этом есть моя вина.

Со Светланой мы встретились два года назад у знакомых на свадьбе. Гибкая, стройная, яркая, она сразу привлекла моё внимание. Мы много танцевали, смеялись и после торжества уехали ко мне.

Меня ничего не смущало, я сам был рад этому и хотел продолжить отношения. А Света была похожа на яркую птицу, что свободно летает там, где хочет.

Захотела и залетела ко мне, а потом улетела ещё куда-то. Светлана была из обеспеченной семьи, и мне льстило, что она со мной не за деньги. Такая вот наивность взрослого мужика — захотелось ему чувствовать себя особенным.

Потешил своё самолюбие ещё больше, когда сделал Светлане предложение, а она согласилась. Грудь распирало от самодовольства и гордости за такую невесту.

Красивая, умная и образованная девушка рядом была как самый последний пазл для картины моего успеха. Бизнес, красивая женщина.

А потом пышная свадьба и море цветов, как и хотела Светлана. Я перевёл офис во Францию, хотя это было сложно и неудобно, но ради жены я был готов на всё.

А Света хотела жить только в Европе, но это и логично — она выросла в Италии и училась во Франции.

В первые полгода я с радостью уступал жене, мне казалось это естественным. Хочешь жить здесь — пожалуйста! Хочешь не работать — поддерживаю! Не нравится дом за городом — переедем!

И если бы не случайная беременность, то я бы ещё долго витал в своих иллюзорных облаках. Света категорически отказалась рожать, обвинила меня в том, что всё так случилось. Мой шок восприняла гневно, напомнила мне, что мы не планировали детей лет пять минимум.

И Света призналась, что детей не хотела совсем, но мне сказала про пять лет, чтобы «не спугнуть» жениха.

Я смотрел в глаза любимой жены и не узнавал её. Это была

ужасная ситуация, в которой я ничего практически не мог контролировать. Ребёнок был, но защитить я его не мог, так как для этого нужно было не отпускать от себя Свету. А это было невозможно.

После нашего разговора мы сразу отдалились, словно ребёнок открыл нас настоящим, наши реальные ценности и цели. Мы смотрели друг на друга и видели чужого человека. Это было страшно, как если бы мы проснулись и обнаружили рядом незнакомца.

Несколько дней я пытался взывать к чувствам Светы, рассказывая, что ребёнок уже есть и это часть её. Даже смешно вспоминать эти мои потуги.

Жена была непреклонна, особенно после того, как мы перестали существовать как супруги. Светлана открыто сказала о желании развестись. И, естественно, никакого дитя она вынашивать не собиралась.

Я сам не понимал почему, но лишиться ребёнка не мог. Это было новое чувство, новый опыт, но моя уверенность от этого не становилась меньше. Вся эта ситуация была только между мной и Светой, родители наши ничего не знали.

Мы с женой решили не говорить никому о произошед-

шем, в этом единственном моменте наши мнения сошлись. И неделю обсуждали, что делать, вернее, я убеждал Свету не делать аборт.

Включил всё своё красноречие, но результат был прежний, и я почти впал в отчаяние. Деньги Свете не нужны, поэтому купить её я не мог. Но случайность изменила всё — жена согласилась родить только после общения с врачом.

На моё счастье, выяснились подробности здоровья Светы, которые были несовместимы с абортом. Не знаю, насколько это было серьёзно, но Света слишком пеклась о себе, чтобы игнорировать такое.

Ребёнок, по-прежнему, в планы Светы не входил, но родить его ей пришлось. И вот, полгода назад я стал отцом Маши. И единственным родителем. Юридически оформили всё так, как нужно мне, а Света уехала. Словно и не было её рядом, улетела дальше.

Естественно, что я вернулся домой, купил дом, переехал. Дело своё стал развивать на родине и весьма успешно. Родители были счастливы, что у них появилась внучка, которая живёт рядом.

Дом я выбрал в посёлке, где и сам вырос, где родители

жили много лет. Зелёный участок и деревянный коттедж покорили меня — это лучшее место для ребёнка. Сначала мы жили в городе, но недавно переехали на новое место поближе к природе.

В дом, где на чердаке я сегодня поймал Милу.

Включаю видеонаблюдение, чтобы увидеть, чем заняты Маша и её няня. И вижу то, что лучше бы мне не видеть.

Глава 11. Мила

— Вы специально мне не сказали, что камеры уже есть в доме? — зашипела я в трубку, так как я боялась разбудить Машу.

Смотрю в сторону детской кроватки — девочка спит, и отхожу в ванную и закрываю дверь.

Внутри всё клокочет от злости и не столько из-за того, что Радов меня голый видел, а от того, что специально всё это сделал. Наплёл мне про то, что безопасность у него не на уровне, видите ли! А потом оказалось, что я ему интересное кино организовала.

— Мила, я как раз тебе звоню, чтобы предупредить. — Кирилл само спокойствие.

— Поздновато вы это решили, Кирилл Леонидович. — бурчу я.

В трубке пару секунд тишина.

— Согласись, мог бы и не говорить совсем. Дом мой, пра-

вила мои. — Кирилл растягивает слова, словно учит меня истинам, которые я обязана запомнить. И, самое главное, исполнять.

— Вы... Вы... Какой же вы! — от гнева и обиды на этого ледяного истукана по имени Кирилл Радов у меня все слова из головы повывлетали.

— Я твой работодатель. Надеюсь, что это недоразумение не повлияет на выполнение твоих обязанностей. — Радов еле слышно усмехнулся, но я уловила это. — Да и невелика беда, Мила. Подумаешь, ещё один мужчина увидел тебя голдой.

И Кирилл положил трубку.

Я смотрю на телефон, ожидая ещё чего-то, кроме сказанного. Чего? Он же считает меня любительницей поразвлекаться, и ничего с этим мнением не поделаешь.

Умываюсь прохладной водой и смотрю на себя в зеркало. Мне двадцать два года, и мой самый большой секрет в том, что у меня ещё ни одного раза не было близости с мужчиной.

Динозавр, древность, отсталая — это малая часть эпитетов, коими меня награждала сестра ещё лет пять назад. Бо-

юсь представить, как бы она назвала меня сейчас.

Но вышло всё так, что моя репутация полностью противоположна реальности. С одной стороны, мне легче, что никто не знает правды и не тычет пальцем.

А с другой... С другой мне хочется, чтобы реальность и выдумка стали одинаковыми. Моё раздвоение затягивается.

И самое главное, что я ничего и не делала специально, чтобы всё сложилось так, как есть сейчас. Знакомилась с парнями, гуляли, но дальше этого ничего не было. Мне было безразлично их внимание.

Вот бы посмеялся Радов, узнай он правду. В его мире таких, как я, и не существует. Там только богатые и опытные красавицы. Остальные просто не могут приблизиться к таким мужчинам. Просто физически нет того места, где можно было бы узнать друг друга, например, мне и Кириллу.

Моя несбыточная мечта, детская, волшебная и нереальная исчезла шесть лет назад.

Кирилл жил рядом с нашим домом, вернее его родители. Впервые я увидела его ещё малышкой. Потом мы росли, и лет в пятнадцать я влюбилась. Не в Кирилла, а в образ. Кра-

сивый, статный, спортивный.

У многих девчонок так бывает — первая любовь скорее иллюзия, выдуманная от начала до конца. Принц и белый конь. Башня, рыцарь и так далее.

Моим рыцарем стал Радов, и терзали меня его глаза во снах много лет. Там он был таким, каким никогда не существовал в реальной жизни.

Я жила этой любовью, мечтала и использовала любую возможность увидеть Кирилла. Смущалась ужасно, просто таяла от одного присутствия Радова.

Понимала, что мои чувства никогда не станут взаимными, но разве нельзя от этого любить? Особенно в пятнадцать лет.

Встреч этих было совсем мало. Пару раз моего отца приглашали родители Кирилла на дни рождения. Отец с мачехой брали меня и сестру. Обычно всё происходило на улице у дома, и для молодёжи был отдельный стол и развлечения.

Кирилл с нами не общался почти, он свысока посматривал на нас, попивая что-то из стакана. Его взгляд надолго не задерживался ни на ком. Но однажды мне удалось встретиться с героем моих снов. Лучше бы этой встречи не было.

Один из парней, моих ровесников, что был на празднике, встретил меня у туалета и пытался поговорить со мной. А я не хотела. Пытался удержать, я увернулась и оттолкнула его. Он начал падать и потянул меня за собой.

Едва я смогла отцепить от себя назойливого ухажёра, как рядом возник Кирилл. Засунув руки в карманы брюк, он молча смотрел на нашу возню.

Я пыталась сказать хоть слово, но от шока не произнесла ни звука. Тоже молча смотрела в эти глаза, что были мне ближе всех в мире. И видела в них презрение и брезгливость.

Потом мы увиделись только через год, когда он практически спас меня. В ту ночь я совершила ошибку, за что чуть серьёзно не поплатилась. Но мой «рыцарь» опять оказался в нужном месте в нужное время.

И вот, спустя шесть лет, я умудрилась залезть в дом Кирилла. Это какое-то проклятие что ли? Каждая встреча выставляет меня в таком свете, что я бы на месте Радова тоже ничего хорошего обо мне не думала.

Только теперь мы взрослые оба. И мне начинает казаться, что убитое мною чувство к Кириллу может вновь разгореться.

ся. А допустить этого нельзя никак.

Потому что безответной любовью я сыта по горло. Для юной девочки это было болью и страданием, а для взрослой — серьёзными проблемами.

Отработаю повинность и уйду.

Тренькнул мой старый телефон. Сообщение от сестры Иры. Меня передёрнуло, как в ознобе. Ничего хорошего от Иры ждать не приходится, и поэтому я смотрела в телефон с тревогой.

«Ты где? Сейчас же вернись! Сегодня нужно ехать в банк. Оксана уже истерику закатила»

Ничего нового, всё как всегда. В последние два года, после смерти отца, моя жизнь в семье похожа на страшный сон. Да и семьёй это назвать нельзя. Мачеха терпит меня только из-за денег, а родная сестра с ней солидарна.

Глава 12. Мила

По поводу банка всё понятно, я всегда без вопросов делаю это раз в месяц. Нужно моё присутствие, чтобы выдали деньги на очередной месяц.

Отец своеобразно составил завешание, и мы с сестрой и мачехой оказались неразрывно связаны. Сначала ябыла в шоке от таких обстоятельств, но потом привыкла. Да и выбора у меня не было.

Затем вся эта суета из-за работы, увольнение, потом Радов поймал меня, и теперь я взаперти в его доме.

Единственный светлый лучик во всём случившемся — Маша. Люблю малышню, и заботиться о них мне доставляет радость. Училась я совсем не на педагога, но сердце всё тянуло меня к детям. И я приложу все усилия, чтобы получить образование и работать с ребятнёй.

Но это будущее, туманное будущее, а передо мной ясное настоящее — выйти из дома до приезда Кирилла я не могу. И как же попасть в банк?

Оборачиваюсь в поисках нового телефона. Открываю список контактов и смотрю на надпись «Кирилл Леонидович». Мне нужно позвонить, но не решаюсь.

Выходит, дня не прошло, а я уже отпрашиваюсь с работы. Если Кирилл не врёт, а он, я уверена, не врёт, то зарплату он мне заплатит за работу няней приличную. И мне совсем не хочется его подвести.

Несмотря на его свинское поведение, моё сердце не накопило достаточно злости, чтобы его ненавидеть. Радов такой, какой есть и был. И мои мечты о нём не имеют никакого сходства с настоящим Кириллом. Ну, может, совсем чуть-чуть.

Пока я думаю, телефон оживает. Сообщение от Радова. Вот, вспомни... работодателя, и он появится.

«Как Маша?»

«Спит»

«Ты немногословна»

«Маша спит на спине, раскинув ручки»

«Уже лучше, Мила, уже лучше»

Потом пауза, во время которой, как загипнотизированная, я смотрю в телефон.

«Как спит Маша, я вижу»

Прилетает новое сообщение.

«Ты хотела мне позвонить?»

Я обмираю. Он что, мысли читает?

«Не пугайся, я не читаю твои мысли. Для этого достаточно логики. Ты держала телефон в руках и смотрела на экран»

Начинает меня раздражать эта ситуация с камерами, но ничего же не поделаешь теперь. Нужно как-то приноравливаться, иначе Радов так и будет за мной подсматривать.

«Вы так торопились заняться важными делами, что теперь у вас есть время следить за мной?»

Мои пальцы, так же как и язык, выдают информацию быстрее, чем голова соображает. Пытаюсь удалить сообщение, но уже поздно — оно прочитано. Кровь приливает к ли-

цу, и я снова смотрю в телефон.

Пауза затягивается, и мне становится совсем жарко. Честно говоря, я не ожидала, что Радов будет со мной так тесно общаться.

«Ложись спать. Больше не буду подглядывать»

И абонент вышел из беседы.

Выдыхаю и выпрямляюсь. Оказывается, я так была напряжена, скрючившись над телефоном, что почти не дышала. Да ещё и вспотела.

Если все дни моей работы будут наполнены таким плотным общением с Радовым, то я долго не протяну. Умру от недостатка кислорода.

Я энергично потёрла ладонями лицо, пытаюсь привести себя в чувство. Проверила Машу и решила спать в её комнате, хотя и смущают меня камеры, но уходить далеко я ещё боялась.

Радионяня не внушала мне доверия на все сто процентов. Нужно её проверить завтра, а сегодня буду рядом с Машулей. Проблему с видеонаблюдением решает темнота, поэто-

му поплотнее задёргиваю шторы и ложусь в кровать.

Засыпаю, совершенно забыв про сообщение от сестры. Радов на меня так сильно действует, что всё, что его не касается, вытеснялось.

Поспать долго не пришлось — девочка просыпалась каждые два часа и плакала. Скорее хныкала, то утыкаясь мне в плечо, то отталкиваясь и извиваясь.

Ребёнок явно чувствует, что отца нет рядом. И матери тоже. Вглядываясь в заплаканное личико, не могу представить женщину, которая могла отказаться от Маши. Это же просто невозможно — бросить такую малышку.

Мне очень жаль Машу, хочется её успокоить, и я хожу по комнате, тихо напевая первые пришедшие на ум песни. Так мы и проводим ночь — спим пару часов и час поём.

Утром, после всех процедур умывания и поедания завтрака, Маша благостно играет в кроватке с погремушками. Я с подозрением смотрю на эту картину и жду подвоха. Разве это нормально, что ребёнок может сам себя занимать так долго? Хотя все дети разные, а Маша, к тому же, выглядит вполне счастливой.

Слышу трель старого телефона. Ира. У меня же из головы вылетело, что сегодня в банк нужно!

— Да. — беру трубку, зная, чем это грозит.

— Ты где?! — сестра сразу же кричит.

— Я работаю.

— Отпросись, и мы за тобой заедем. Диктуй адрес.

— У меня не получится уйти с работы.

— Что это значит?!

— Это значит, что в банк поедем в другой день.

Ира не ожидала от меня такого ответа и явно зависла на том конце.

— Ты охренела? Сейчас же диктуй адрес!

— Не могу я уехать, это невозможно. По крайней мере, в ближайшие дни.

Дальше всё сливается в сплошной крик и обвинения. Я

терпеливо слушаю и пытаюсь придумать, как мне выйти из дома дня через два хотя бы.

И в эту секунду раздаётся плач Маши. Молодец, девочка. Вовремя ты дала о себе знать.

— Ты где есть, Милка? Что за ребёнок там? И ты говоришь, что на работе?

— Я няней устроилась работать. — приходится признать-ся, пока я возвращаю Машуле игрушку, которую она потеряла. Она поэтому и расплакалась.

— Собирай ребёнка и поедem. Адрес назови.

— Мне нельзя покидать дом, Ирин. Давай позже с банком разберёмся?

— Что значит позже? — сестра почти рычит в трубку. — Это ты можешь жить на три копейки, а нормальная жизнь требует больше средств. Нам с Оксаной нужны наши деньги. Сейчас же называй адрес!

— Не могу я уехать, не могу. — пытаюсь убедить.

— Ты в посёлке же сейчас, да? — сестра говорит тише. —

Ускакала вчера вечером налегке. Значит, ты рядом. Быстро говори, где ты?

Глава 13. Кирилл

Желание смотреть видеонаблюдение было трудно преодолеть. Палец сам тыкал в приложение, а глаза искали на картинке девушку, которая теперь является няней моей дочери.

Конечно, я себя убеждал, что тревожусь за Машу, и поэтому постоянно разглядываю, что и как там дома. Но с предыдущей няней у меня такого не было. Контролировал, но не вглядывался, во что там одета моя работница и что она делает.

А тут даже телефон в её руках вызывал тревогу — кому звонит? С кем общается?

Алексей, естественно, и сам, на месте, постоянно следил за Милой. Это обычная безопасность, и ничего личного. По его отчётам, пока ничего не происходит такого, о чём стоит беспокоиться.

Маша в порядке, Мила тоже, в доме тишина и покой. Насколько это возможно с маленьким ребёнком. Я дочь свою знаю, она умеет создать шумовые эффекты. Первое время после её рождения была тихой, а вот потом был шок.

Не представлял я, что такое маленькое тельце может иметь столько сил, чтобы настолько громко кричать. В то время у меня даже боли в области сердца появились, не мог спокойно выносить Машины «концерты».

Оказалось, что это нервное, а не сердце. К врачу ведь пошёл, боялся дочь сиротой оставить. Матери нет, так ещё и мне осталось помереть раньше времени.

Няни были сразу, это естественно, но я сам очень много времени проводил с ребёнком. А правило это взял, чтобы Маша не чувствовала себя обделённой.

Думаю, что женщинам проще в этих вопросах. Там гормоны работают, инстинкты, а у меня только голова сначала в процесс включилась. Посоветовался с врачами, как и что делать. Читал много, от нянь учился.

Кто бы мне сказал лет пять назад, что я стану в одиночку воспитывать ребёнка — не поверил бы никогда. Другие приоритеты были, и жизнь видел свою другой.

А теперь не понимаю, как без Маши раньше жил. Сейчас любой проект, любое дело с мыслью, что это ради неё делаю. Дочь стала смыслом для работы и жизни. Удивительно, как

так вышло, но я рад этому.

— Ты решил жить в офисе? — прерывает мои мысли Егор, который, как обычно, без стука зашёл в кабинет.

Выдыхаю и потягиваюсь прямо в кресле.

— А ты, как всегда, вежлив и корректен? — улыбаюсь другу и встаю ему навстречу.

— Здорово, папаша! — пожимает руку Егор и треплет мне по плечу другой.

— Привет, Звонарёв! — толкаю друга в бок.

Мы располагаемся за столом, и Егор выкладывает бумаги. У нас сегодня есть вопросы по сотрудничеству. Я юрист, а Егор начал бизнес в новом месте, возникли вопросы.

Решаем дела быстро, и Егор готов с нашей фирмой договор на юридическое обслуживание заключить. Так проще, Егору не придётся вникать в мелочи, всё будет делаться специалистами моей фирмы.

Едва мы закончили, у меня звонит телефон.

Мила.

У меня сердце пропускает удар. Неужели с Машей случилось что-то.

— Да. — отвечаю сразу.

— Кирилл... Кирилл Леонидович... Здравствуйте. — слышу несмелый голос няни.

— Что случилось? — резко спрашиваю.

— Нет, нет, всё в порядке. Маша в порядке. — скороговоркой отвечает Мила, явно оценив уровень тревоги в моём голосе.

— Тогда зачем ты звонишь? — настаёт время удивляться мне.

— Мне нужно поехать в банк. Это очень важно.

— Зачем такая срочность?

— Это личные дела.

— Мила, ты не отработала и двух дней, а уже пытаешься

сбежать. Мне кажется, я ясно про условия тебе сказал. Из дома ты не выходишь.

— Но... Это очень важно. Всего час меня не будет. — девушка говорит всё тише.

Меня накрывает необъяснимое желание, чтобы Мила не покидала дом, пока я не вернусь. Сам себе не могу объяснить это, но Петрова выходить не должна, и точка.

Замечаю, как Егор с любопытством смотрит на меня.

— Как только вернусь, тогда и обсудим. Всё. — кладу трубку, хотя понимаю, что вопрос как-то завис.

Я не выяснил, что за срочность с банком и зачем Миле нужно лично там быть. Не люблю неясностей.

Поднимаю взгляд на друга и вижу довольную улыбку. И хитрый прищур.

— Ты её взял на работу? — Егор просто в восторге, судя по интонации. — Кирюха, ты гений. И как же ты её заманил к себе? Не смог, всё-таки, устоять.

— Не заманивал я никого. — друг в курсе того, что у меня

было шесть лет назад.

Тогда я не сдержался и рассказал ему про случай с Милой. А он сразу мне сказал, что я влюбился, поэтому так себя веду. Это смешно, конечно, какая там может быть любовь?

— Да ладно, Кир, вы теперь оба взрослые! Развлекайтесь!

— Какие развлечения? Она ко мне в дом залезла зачем-то, а я её поймал. Потом моя няня срочно уехала. — машу рукой, словно слова закончились.

— И Мила теперь няня Маши. — это не вопрос, а утверждение.

Я хмурюсь, понимая, как ситуация со стороны выглядит. Непривычно чувствовать себя уязвимым, не моя эта история.

— И, кстати, твой новый дом я видел только на фото. — выгибает бровь Егор.

Меня разбирает смех, глядя на эти ужимки взрослого мужика. Егор всегда был таким, лёгким, шутливым, чем покорял женщин с первой минуты общения.

— Поехали в гости. — выдаю я вдруг.

— Так у тебя же дела. — друг говорит серьёзно, а глаза смеются.

— Основное я разгрёб, а остальные перекину на зама. Пусть попыхтит.

— Вот это я понимаю! — Егор хлопает меня по плечу и смеётся. — А то сидит, такой строгий, важный. Радов, ты ж небось запугал девчонку до икоты, признавайся? Всему тебя учить нужно. С женщинами ласковым нужно быть, тогда и результат тебя порадует. А ты суров, как природа Крайнего Севера. Ладно, поехали к твоей Миле, Кирилл. Поглядим, что за птица.

Глава 14. Мила

Маша с удовольствием поела и поиграла. Мне удалось немного отвлечься от звонка Иры. Дети так оттягивают внимание, что другие заботы отходят на второй-десятый план.

Спать девочка отказывалась, а хотела сидеть на руках и смотреть вокруг. Вот я и ходила по дому, следуя указаниям моей маленькой хозяйки, которая взглядом указывала направление.

— Машуль, ты характером в папу? — хихикала я, следя за серьёзным взглядом девочки. — Также хорошо умеешь командовать и распоряжаться?

Но, к счастью, запаса энергии хватило ненадолго, и Маша сладко уснула на моём плече.

С утра Радов не звонил, что и радовало и, к моему удивлению, огорчало. Смотрит камеры, наверняка. Контролирует. Я даже помотала головой в поисках этих самых камер, но ничего не нашла. Специально спрятали, чтобы не нервировать жителей дома.

Хотя как можно не нервничать, если знаешь, что кроме туалета, ты везде под «прицелом»? Благо, Маша так отвлекает, что по большей части о слежке я не вспоминаю.

Едва я уложила Машу в кроватку, как мне прилетает сообщение от сестры. Ничего нового она не пишет. Угрозы, требования появиться под её персоной немедленно или сказать, где я прячусь.

Радов чётко мне сказал, что из дома не выходить, пока он не вернётся. Выхода нет — придётся ждать. Хотя это выйдет мне боком. Жить в доме с сестрой и мачехой будет совсем невозможно.

Вот так, Мила, как ни крути, а везде ты в убытке. Кирилл пользуется тем, что поймал меня. Родня пользуется по-своему. А больше и нет никого рядом. Подруга Юлька в командировке уже третий месяц, и поговорить с ней можно очень редко.

Все эти мои невесёлые мысли прервал Алексей.

— Людмила Андреевна, сегодня придёт повар. Есть пожелания по меню.

Я заставляю себя переключиться на выбор еды, хотя мне

сейчас безразлично, что есть. Но нужно что-то заказать.

— Алексей, а прогулки с Машей тоже под запретом?

Охранник зависает только на секунду.

— Внутренний дворик в вашем распоряжении. Только там можно погулять.

Я делаю протяжный выдох.

— Ну, хоть что-то. — бурчу себе под нос и иду смотреть, в чём Маша пойдёт сегодня на улицу.

И уже вечером я везу коляску по маленькой площадке позади дома. Всё пространство закрыто высоким кустарником, как забором, и никто нас не увидит, если только не залезет на дерево.

Выход в это уютное местечко есть прямо из гостиной, через большие витражные окна в пол. Это даже не окна, а стена из стекла.

Телефон я поставила на «беззвучку», так как сестра пишет каждый час, а ответить ей нечего. Жду Радова, и больше никаких вариантов.

Маша счастливо дрыгает ножками и следит за тем, как ветер шевелит листья на деревьях и кустарниках. И, конечно, ей быстро надоедает коляска.

Беру на руки эту пухлую непоседу и поднимаю повыше, давая возможность хватать листья руками. Машуля заливи-сто смеётся, рвёт листья и бросает их в меня. Вернее, она их просто бросает, но летит мне вся листва на голову.

В этот момент я забываю обо всём. О проблемах, о Радове, о сестре и мачехе. Только счастливый, сладкий ребёнок в моих руках и я. Меня переполняют эмоции, и, перехватив Машу, нежно целую её то в одну щёчку, то в другую.

Девочка смотрит на меня и улыбается во весь рот. А я напоследок чмокаю её в носик и, прижимая к себе, начинаю медленно вальсировать вокруг коляски. Лето, зелень, птички, Маша — красота!

Однако во время одного из оборотов я ощущаю, что на меня кто-то внимательно смотрит. Торможу, придерживая Машу за спинку, и вглядываюсь. Солнце бликует на стекле, но видно, что за мной наблюдают двое мужчин. И один из них мне хорошо знаком. Кирилл.

Радов впился в меня взглядом, а рядом тем же самым занят незнакомец.

Я замираю и тоже смотрю. Сердце вдруг стало биться где-то в горле. С чего это Радов так рано вернулся? У него же дел неуворот было. Меня накрывает волнение и тревога.

Маша почувствовала это и начала хныкать. Сажая её в коляску и даю в руку небольшую веточку с листьями, которые ей так понравились. Честно говоря, я не знаю, как себя вести.

Возникает порыв вернуться в дом, но потом я решаю, что останусь там, где мы с Машей были до появления Радова.

— Добрый день! — слышу голос Кирилла.

Он открыл стеклянную дверь и подошёл к дочери. Маша оживлённо задвигала руками и ногами, требуя, чтобы отец взял её. Что Кирилл и сделал. Я наблюдаю за премилой картиной общения отца и дочери.

И ощущаю внутри странное сожаление, что я не могу прикоснуться к Кириллу. Вот взять и провести ладонью по руке, что держит Машу, приподняться на цыпочки и прижаться губами к немного колючему подбородку.

И прихожу к неутешительному выводу — я соскучилась. За два дня? Ой, Мила, ты совсем с ума сошла? Ты Радова годы не видела, а теперь скучаешь. Выходит, хорошо, что не видела, потому что сейчас я чувствую слишком много всего. Гораздо больше, чем могу себе позволить.

И хорошо, что в этот момент рядом появился гость, с которым приехал Кирилл.

— Здравствуйте! — мужчина широко улыбался, словно очень рад видеть меня. — Я Егор. Друг этого молодого отца. — шутливо кивает на Радова.

— Здравствуйте! — киваю в ответ.

Гость разглядывал меня так, словно исследовал микроба под микроскопом.

— Вы очень хорошо общаетесь с детьми. Редкое качество для столь молодой девушки. — Егор с ходу отвешивает мне комплимент.

— Спасибо. — коротко отвечаю.

Мне не хочется вступать в беседу с этим Егором, несмотря

на его обаяние и приятные слова.

Глава 15. Мила

У меня такое впечатление сложилось, что Радов приехал раньше времени, чтобы меня лично проверить. Не доверяет он камерам и охране. Это на него похоже. Он самому себе, похоже, не до конца верит. Ещё и Егора привёз, который меня сканировал, как рентген.

С прогулки мы быстро ушли, так как Маша начала капризничать. Оно и понятно, отца увидела, перевозбудилась малышка. Радов с Егором пошли по дому и вокруг него. Рассматривали и о чём-то говорили.

Ужинать я вышла после того, как уснула Маша. На кухне стояло всё, что приготовил повар. Я решила взять, что нужно, и уйти, но план мой сорвался.

— Зачем тебе нужно в банк? — меня подкинуло от неожиданности.

В дверях стоял Кирилл. Я отложила ложку, которая едва из моих рук не выпала, когда я голос Радова услышала.

— Есть общие дела с сестрой и мачехой. Я их отменить

не могу. От меня это не зависит. — решила говорить только правду.

Смысла нет выдумывать какие-то другие причины.

— Что за дела? — конечно же Кирилл решил копать поглубже.

Вздыхаю, глядя на тарелку с салатом, который, кажется, попадёт в меня нескоро. И рассказываю, как можно короче, о завещании отца и ситуации после его смерти.

Радов молча слушает, сложив руки на груди, немного склонив голову. Иногда особо остро всматривается в моё лицо, но ничего не комментирует.

Я замолкаю, закончив свой рассказ. Кирилл тоже молчит несколько секунд. По его внешнему виду невозможно понять, что он решил.

— Звони сестре. Завтра утром тебя отвезут в банк. — слышу неожиданное.

Во мне словно лампочка вспыхивает. Поднимаю голову и не сдерживаю радостной улыбки.

— Спасибо! — восклицаю чуть громче, чем, наверное, нужно. — Спасибо, Кирилл Леонидович!

Радов выглядит удивлённым, будто никогда не видел улыбающихся людей. Меня он точно с улыбкой не видел. Мне было сложно просто дышать в его присутствии, не то что смеяться.

А сейчас мужчина смотрит на мои губы, и от этого в моём голодном желудке начинается такой гул, что не услышать его невозможно.

Я прочищаю горло, потом покашливаю, чтобы замаскировать ненужные звуки организма. А Радов вдруг тоже улыбается. Это едва заметно, но улыбка есть. Её невозможно не заметить, потому что лицо Кирилла преобразается полностью.

Исчезает напряжённая сосредоточенность, и смягчаются все острые, холодные черты. Помимо воли, мой взгляд тоже прилипает к его губам.

— Ужинай, Мила. Тебе нужно хорошо питаться. — как-то глухо говорит Кирилл и, резко развернувшись, уходит.

Я качаю головой, пытаюсь вернуть фокус зрению. Сердце

стучит частым пульсом во всём теле, делая меня горячей, как печка. Достаяю сок из холодильника и пью прямо из графина. Потом пару минут пытаюсь отдышаться и снова глотаю холодную жидкость. Решаю есть на кухне, благо радионяня всегда со мной. У меня просто нет физических сил бегать с подносом еды по дому, так как колени мои слабы стали от такого неожиданного общения с Радовым.

Закончив ужин, тихонько крадусь к Маше и сладко засыпаю в её комнате.

— Мила, проснись. — кто-то трясёт меня за плечо и тихо зовёт по имени.

Открываю глаза, в первые секунды не могу понять, где я. Рядом со мной стоит Кирилл уже при полном параде. И держит меня за голое плечо, так как с него соскочила пижама.

После сна я не сразу понимаю, что происходит, и замираю в попытке окончательно проснуться. И тут же меня затапливает краска смущения, когда я осознаю, что лежу перед полностью одетым Радовым, мягко говоря, не совсем одетая.

Молниеносно натягиваю на себя одеяло и с возмущением смотрю на мужчину, который и не собирается уходить. Зачем он вообще пришёл?

Кирилл присаживается на край кровати и протягивает руку к моей голове. Я смотрю на его ладонь, потом на его лицо и опять на руку, пытаюсь осознать, что сейчас Радов ко мне прикоснётся. Зачем?

Отталкиваясь пятками от матраса, двигаю себя к изголовью. Начинаю паниковать, когда Кирилл всё равно дотягивается до меня и кладёт ладонь на мою щеку. Смотрит нежно мне в глаза, потом на губы, и взгляд его меняется. Я вижу, как расширяются зрачки и тяжелеют веки.

Сама же я не могу перестать смотреть на губы Кирилла. Они улыбаются, чуть заметно, и медленно приближаются к моим губам. Паника моя нарастает, поскольку я сама тону, плавлюсь, растворяюсь от близости Кирилла. Его тепло проникает в меня, взгляд гипнотизирует и завораживает.

Ещё несколько мгновений, и мои губы попадают в омут горячего поцелуя. Тягучий и сладкий, он длится и длится, пока я... не просыпаюсь.

Вскакиваю с постели и дышу так, будто пробежала марафон. Мои волосы влажные и всклокоченные, как если бы я металась по подушке. Сон был таким реалистичным, что я бегу к двери и распахиваю её, чтобы посмотреть в коридор

и убедиться в отсутствии Радова.

Смотрю в пустое и тихое пространство ночного дома и прижимаю ладони к щекам. Я горю, словно меня на сковороде нагрели. И явно ощущаю след от ладони Кирилла — одна щека горит гораздо сильнее. Закрываю дверь и иду к кровати Маши. Она спит спокойно и не ведает, какие страсти бушуют у её няньки.

На часах почти три ночи, а я чувствую себя бодрее, чем утром. Сон влил в мою кровь столько адреналина, что уснуть у меня теперь получится с трудом. Да и как я могу спать, если все мои мысли переполнены одним — Радовым. Всё моё тело ощущает ночную грёзу, как реальность.

Как мне теперь жить в доме Кирилла, вместе с ним, часто быть рядом? Радов один вечер дома, а я уже с катушек слетела. Вернее, моё бессознательное. Оно сразу почувствовало открывшиеся возможности. А я-то думала, что всё перегорело. Нет, оно тлело не один год, ждало возможности вспыхнуть, разлететься искрами и спалить меня.

Глава 16. Кирилл

Утром мы завтракали с Егором. Мила сказала, что придёт позже, и я не стал настаивать.

— Я бы тоже себе такую няню взял. — Егор отпивает сок из стакана. — Жаль, что я уже большой мальчик, няня мне не нужна. А детей у меня нет.

— Кто ж тебе не даёт детей сделать? — хмыкаю, глядя на грустную физиономию друга.

— На первую часть твоего вопроса отвечу, что мне дают, и ещё как. — совершенно серьёзно говорит Егор. — А по второй части, про детей, у меня большие сомнения.

— В смысле? — я не знаю, что и предположить. На такие темы мы впервые говорим.

— Сомневаюсь в том, что те, кто дают, могут стать нормальными матерями. — друг отставляет стакан и задумчиво чешет подбородок. — Заметь, не хорошей, а хотя бы нормальной матерью своим детям.

Я слушаю Егора и искренне понимаю его опасения. На собственной шкуре, так сказать, эту теорему выучил. Доступная, красивая, желанная женщина была рядом, но внутренне мы оказались противоположны, как полюса Земли.

И теперь Маша растёт без матери. Моё самомнение и гордость сыграли со мной злую шутку. Я же думал, что моя женщина сделает так, как я скажу. А в результате получил самый сильный удар за всю жизнь. Я чувствую большую вину перед дочерью.

Себе я выбрал то, что хотело моё мужское тщеславие — красивую и яркую женщину, чтобы завидовали все мужики вокруг. И, идиот, совсем не подумал о том, что за мать будет моя жена. Результат плачевный. У моей любимой дочери нет матери.

— Ты прав, но где-то же есть хорошие будущие матери, так ведь? — смотрю на друга ободряюще. — Просто нужно внимательно искать, а не бросаться на яркую обложку. И думать надо головой, а не...

Егор смеётся.

— Тебе-то хорошую мать для дочери искать не нужно. Мила-то Машу явно любит. Есть такие редкие девушки, что

от малышей в восторге. Жаль, что это качество не ценится той мужской частью, что не голова, а... — шевелит бровями мужчина.

— Прекрати, Егор. Мне достаточно того, что есть сейчас. Любые лишние люди нам с Машей не нужны.

— Зря ты упрямисься. Девушка красива и любит детей. Что ещё нужно?

— И что ты предлагаешь? Оставить Милу в няньках навсегда?

— У тебя, похоже, и голова не очень хорошо работает. — Егор искренне удивлён. — Ты же не просто так тогда помог восстановить справедливость и наказал обидчиков Милы? Но тогда она была ещё совсем ребёнком, а теперь-то что мешает тебе?

Я встаю и подхожу к окну, за которым видны сосны и зелёные лужайки между ними. Прекрасное место, чтобы растить ребёнка. Мой выбор дома именно этим обосновывался. Природа, воздух. И я совсем не думал пускать в этот, мой с Машей мир, новую женщину.

Конечно, это совсем не означает, что я записался в мона-

хи. Но в этот дом мои дамы не попадут точно.

А Мила уже здесь. Внутри у меня какой-то сумбур и даже тревога.

— Мила не та девушка, которой можно доверять. — выдаю Егору свой основной аргумент.

— Интересно, почему?

— Она, может быть, и любит детей, но её легкомыслие в других сферах жизни меня очень настораживает. — говорю, продолжая смотреть в окно.

— Кир, ты слышишь себя? Ты вещаешь, как на заседании суда! Сухарь ты совсем стал. — друг искренне возмущён. — Я тебе про чувства, а ты про доказательства и факты.

— Естественно, что мне приходится опираться именно на факты. — поворачиваюсь к Егору. — Она вошла в мой дом! А до этого с лёгкостью побежала на встречу с незнакомыми мужиками и едва не попала в серьёзный переплёт.

Егор смеётся и хлопает в ладоши.

— Прекрасная речь юриста! Но не человека. Ты дал Миле

возможность объяснить, почему она попала в дом?

— Дал. Но она отказалась говорить.

— Представляю я, как ты с ней разговаривал, что она решила ничего тебе не говорить.

— Ага, я бесчувственный злодей, а Мила невинная жертва. — я возмущаюсь уже.

— Вот теперь правильно мыслишь! — Егор одобительно хлопает меня по плечу, словно я сделал что-то хорошее. — Поговори с девушкой мягко, ласково, и ты узнаешь гораздо больше, чем если будешь давить на неё своим ледяным юридическим авторитетом.

Егор снова берёт в руку стакан и делает большой глоток.

— Дом у тебя классный, Кирилл. Маша просто чудо-ребёнок. Прояви немного терпения, внимания, и у тебя будет прекрасная мама для дочери.

— Егор, я подумаю. — мне почему-то захотелось обдумать предложение друга, хотя и кажется оно безумным.

После завтрака Егор уехал по делам, а я пошёл работать

в кабинет. Я вернулся слишком рано из поездки, и теперь мне нужно полдня быть на связи, чтобы решить очень важные рабочие вопросы. Моя работа стала для меня и целью, и лекарством, и удовольствием, но именно сегодня я не испытывал обычного воодушевления от неё.

— Кирилл Леонидович, там пришла девушка и говорит, что она приехала за Людмилой Андреевной. — прервал мой трудовой подвиг Алексей, который отвечал теперь за безопасность дома.

— Зови её ко мне. — мне нужно самому убедиться, что за ситуация у Милы.

Через пару минут в дверях появилась молодая женщина, в которой я без труда узнал Ирину, сестру Милы.

— Кирилл, привет! Вот это встреча! — Ира старательно делала вид, что до сего мгновения не знала, в чей дом она пришла. — А Милка говорит, что няней устроилась. К тебе что ли? — смеётся громче, чем могли бы вынести мои уши.

— Здравствуй, Ира. — встаю из-за стола и подхожу ближе к госте, чтобы поговорить о действительно важном. — Присаживайся. — мы располагаемся в креслах.

Ира подтвердила слова сестры о банке и завещании отца. Она с радостью поделилась подробностями и сетовала на нехватку денег. При этом в открытую со мной флиртвала.

— Кирилл, это же просто удача, что ты поселился в посёлке. Давай встретимся, вспомним молодость, так сказать. — Ира заливисто хохочет, явно считая шутку очень смешной.

— Спасибо за приглашение, но сейчас очень много дел. А сейчас я позову твою сестру.

Через пятнадцать минут Ира увозит Милу в банк, а я остаюсь с Машей.

Глава 17. Мила

Кирилл зашёл в комнату, когда я уже взяла Машу на руки и собралась спуститься на кухню.

— Можешь ехать в банк. Твоя сестра внизу ждёт. — коротко пояснил Радов и подошёл вплотную ко мне.

Настолько близко, что его тепло накатило на меня мягкой волной и сделало мои кости похожими на вату. Опереться на них было почти невозможно. Ночной сон снова вернулся ко мне, выключая сознание и делая меня... счастливой?!

Радов просунул руки за спинку Маши и нежно потянул её на себя. Дочь радостно замахала ручками и запрыгала. А руки её папы в этот момент совершенно очевидно прижались к моей груди!

Он уже забирал Машу из моих рук, но так себя не вёл. Дышать я не могла, боясь ещё теснее ощутить тыльную сторону его ладоней. Всё длилось всего пару секунд, но я точно поняла, что это было сделано преднамеренно.

В остром взгляде мужчины явно читалось нечто большее,

чем просто интерес к моей реакции. На мгновение губы Кирилла дёрнулись и сложились в хитрую улыбку. Она мелькнула, как тень, и исчезла.

— С Машей буду я. У тебя есть час, Мила. — Кирилл нежно погладил дочь по голове и чмокнул в щёчку.

А у меня случился перегруз впечатлениями. Сначала его близость и прикосновения рук, улыбка, потом я увидела такое невероятное проявление чувств от почти всегда холодного Радова.

Стою и просто впитываю эти ласковые слова, что шепчет мужчина своему ребёнку. Удивительные метаморфозы сбивают меня с толку. Радов играет со мной? Но зачем?

— Иди уже, у меня мало времени. — вот теперь «нормальный» Радов говорит. Интонация, как ледяные иголки. Не ожидала, что так обрадуюсь этому. Мне срочно нужна дистанция, срочно.

Я втягиваю в себя воздух и срываюсь с места, чтобы поскорее выбраться из этого пространства, где Кирилл, как гипнотизёр, заставляет меня чувствовать совсем не то, что я хочу.

— Я быстро. — бросаю напоследок и смотрю на Машу. Она улыбается, и мне становится легче, прихожу в себя. Я няня, и мне нужно вернуться побыстрее.

— Ну, ты, Милка, даёшь! — сестра восклицает, едва мы садимся в машину. — Попасть в няньки к дочери самого Радова!

Мне становится не по себе от такого восторга Иры. Знаю я, чем обычно заканчивается всё это. Блеск в глазах и энтузиазм сестры явно говорят, что она уже готова придумать нечто такое, от чего потом придётся долго отходить и решать кучу проблем.

— Это случайно вышло. Его основной няне срочно уехать пришлось. — мне не хочется, чтобы Ира строила иллюзии по поводу моей новой работы. — Работа временная.

— Ты должна мне помочь. — я закрываю глаза после этой фразы, зная, что потом последует очень неприятное продолжение. — Это шанс, Мила! Скажешь Кириллу, что тебе нужна моя помощь. Я буду приходить как бы к тебе, а уж дальше я разберусь.

— Ира, я ничего не буду говорить Радову. — меня злит отношение сестры ко мне, хотя и привычное оно, я должна,

вроде, быть готова к такому.

— Ты просто позовёшь меня, и больше от тебя ничего не требуется. — настаивает Ира, и мне становится тошно.

— Нет. — решаю быть твёрдой.

Ирина зыркает на меня, на секунду отрывая взгляд от дороги.

— Сама решила пристроиться? — шипит.

Я округляю глаза и кручу пальцем у виска.

— Ир, у тебя одно на уме. Прекрати, а? Это просто работа, и она скоро закончится.

— Тем более! Тебе не нужен Радов, времени мало. Не будь собакой на сене, Милка! — сестра неутомима.

Я вздыхаю, отворачиваюсь и смотрю в окно. Спорить бесполезно, поэтому просто прекращу разговор и, конечно, никуда я Иру звать не буду.

Сестра тоже перестала меня доставать, но меня это только насторожило. Это могло означать только одно — Ира гото-

вит план, в котором меня не будет. Слишком я хорошо знаю её, чтобы поверить в отступление.

Ладно, разберусь по ходу дела.

В банке нас ждала мачеха.

— Мила, ты работаешь? — вместо приветствия сразу вопрос.

Мне хочется побыстрее разобраться с целью нашей встречи и вернуться к Маше.

— Это временная работа.

— Да? А Ира сказала, что ты хорошо устроилась. — Оксана кривит губы, словно я ей должна и не отдаю долг. Хотя она так и думает.

— В любом случае, на содержание дома ты дашь больше в этом месяце. — мачеха задирает нос так высоко, что я боюсь, она свернёт себе шею. — У нас куча расходов на ремонт.

— У нас? — вырывается восклицание вопреки моему решению не вступать в спор ни с Ирой, ни с Оксаной.

— Да! Ты живёшь в доме, как и мы.

— И только потому, что я работаю, мне нужно платить больше?

— Конечно! наших денег едва хватило на месяц. А у тебя есть доход теперь, помимо всего. — Оксана искренне верит в свои аргументы.

— Вы тоже можете работать. — рискую я.

Оксана столбенеет и начинает часто моргать. Тик изображает.

— Твой отец обещал, что я никогда в жизни работать не буду! — Оксана поднимает палец вверх, будто указывает, где и как эта информация запечатлена.

— Отца нет уже два года.

— Это неважно! Работа в мои планы не входит.

— А в мои планы не входит содержать тебя.

— Ты неблагодарная, — Оксана начинает повизгивать, — ты всегда была против меня!

Вот зачем я вступила в эту болтовню? Каждый раз настраиваю себя молчать, не поддаваться манипуляциям Оксаны, но ничего не получается. Она неминуемо меня цепляет чем-то, и я опять с ней спорю.

Дальше я молчу и просто ставлю подпись в бумагах. И мы получаем деньги.

Глава 18. Мила

Сестра отвела меня к дому Радова, и я, не прощаясь, выскочила из машины и бегом скрылась за приоткрывшимися воротами. Перепрыгивая через ступеньку и торопясь попасть в дом, я даже запыхалась.

И, как только я зашла, резко остановилась, перепуганная своими чувствами. Я соскучилась. Как такое может быть? Как можно испытывать такие чувства после пары дней пребывания здесь?

Мне нетерпелось прижать к себе девочку, о которой я ничего не знала буквально вчера. И хотелось увидеть её отца. Даже его хмурое лицо для меня было лучшим среди всех остальных.

Сердце моё билось быстро от радости, от ощущения, что мне дороги люди, живущие в этом доме. Попала я в переплёт, попала. Вернётся настоящая няня, и мне придётся сразу уйти. Безумие привязываться к своему работодателю и его ребёнку.

Нет, всё потом. Потом буду думать, размышлять и корить

себя. Сейчас живу прекрасным сегодняшним днём. Как и рекомендуют психологи — жить здесь и сейчас. Вот пусть так и будет.

Замечаю в коридоре Алексея. Он вопросительно смотрит на меня, замершую как изваяние в дверях.

— Что-то случилось?

Как ненормальная расплываюсь в улыбке.

— Нет, всё хорошо. Не волнуйтесь, всё в порядке. — даже охранник вызывает радость. После общения с родственниками меня просто необъяснимо радовало всё, что было в этом доме. Я как ненормальная улыбалась, пока прыгала по лестнице на второй этаж.

— Она спит.

Кирилл сидел в кресле у кроватки дочери. Едва я открыла дверь, он тихо встал.

— Хорошо. — я посмотрела на мужчину, но быстро отвела взгляд в сторону Маши. И правда, спит, малышка.

— Я помою руки и сразу вернусь. — шепчу скороговоркой

и исчезаю в ванной.

Эти минуты как возможность настроиться на нужный лад. Я — няня, я — няня. И нечего мечтать и грезить. Насколько возможно уверенно возвращаюсь в комнату.

— Как всё прошло? — Радов смотрит с интересом.

Я пытаюсь быть нейтральной, но запах туалетной воды Кирилла уже вывел мои чувства из равновесия. Этот аромат закорился в моём мозге и напрямую связан теперь с сердцем, я полагаю. И мне остаётся только смириться с этим.

— Спасибо, мы сделали то, зачем ездили. — отвечаю как можно спокойнее.

— Странное у вас завещание от отца. Для чего это сделано? — похоже, Радов настроен обсудить мои дела, и мне, явно, не отвертеться.

Мужчина складывает руки на груди и ждёт ответа.

— Так отец хотел сплотить нас. Меня, сестру и мачеху. Наивность в чистом виде, но оспорить ничего нельзя.

— Совсем никак? — вижу сомнение в глазах Кирилла.

Он юрист и сразу воспринял информацию как призыв к действию.

— Есть вариант завершить эти встречи в банке, но он невыполним.

Радов выглядит уже совсем заинтересованным.

— Какой вариант?

Я никому не говорила об этом и сейчас тоже не хочу этого делать. Если узнает сестра или мачеха, то с меня живой не слезут, требуя выполнить условие отца. И, естественно, получить свои полные доли наследства.

— Это неважно. Я это условие выполнять не буду, и на этом всё.

Радов явно не ожидал от меня такого ответа. А моё прекрасное настроение улетело, едва мы заговорили на тему моей семьи.

Мужчина явно хотел подробностей, но больше настаивать не стал.

— Маша спит, поэтому у нас есть время спокойно поесть.
— слышу неожиданное.

— Я не голодна. — выпаливаю сразу, пытаюсь избежать дальнейших расспросов и остаться с Машей в комнате.

— Не спорь со своим работодателем. — лицо Кирилла преобразается от улыбки. — Сказал есть, значит, есть.

Бросаю взгляд в сторону кровати, словно надеюсь на поддержку дочери Радова, но она крепко спит. Мужчина уже стоит у открытой двери и ждёт, когда я, наконец-то, начну двигаться к выходу.

Смиренно шагаю на кухню, ощущая позади себя уверенные шаги Кирилла. И меня не покидает чувство, что он принял какое-то решение в отношении меня. Слишком уж часто я стала замечать за последние сутки улыбку на его физиономии.

Раньше он вёл себя соответствующе ситуации, а теперь вдруг стал явно ко мне присматриваться.

До сегодняшнего дня он имел сложившееся обо мне мнение и вёл себя в соответствии с ним. А теперь неожиданно решил «покопаться» во мне. Что же за неведому игрушку я

в няньки взял? Что там за жизнь у неё была до этого?

И вот этот интерес меня пугал. Пусть, как раньше, презирает и злится, а то боком мне выйдет всё это любопытство от Радова. А его юридически-логический ум уже вцепился в меня, я это прямо чувствую.

Идёт он позади, а мне слышно, как в его голове мысли шуршат. Вопросы прямо в воздухе витают. Эх, Мила, попала ты, похоже, попала.

— Мила, а что случилось с твоим отцом? — с места в карьер начинает Радов допрос.

Мы сидим за столом, и я пытаюсь есть, несмотря на полное отсутствие аппетита. Чай ещё в меня льётся, а вот сырники лезут с трудом. Но уйти, сбежать, исчезнуть никак невозможно. Радионяня молчит, а значит, Маша мне не поможет.

— Сердечный приступ. — стараюсь говорить короче.

Радов выглядит совсем не впечатлённым моим ответом.

— Ясно. Выходит, что это было неожиданно? — неужели в голосе слышу сочувствие.

Мне вдруг захотелось увидеть лицо Кирилла, и я подняла на него глаза. И зря. Радов смотрел в ответ очень внимательно, изучал каждое моё движение, мимику.

— Папа слишком много работал и мало отдыхал. — как бы я ни старалась, но удержать горечь не смогла. — Молодая жена нуждалась в деньгах.

Радов нахмурился, но тут же вновь вернул прежнее выражение, и пошёл в атаку новыми вопросами.

— Твоя мачеха не получила того, что хотела, так ведь?

— Она просчиталась, конечно. Любовь к ней не лишила отца разума, но, зато, лишила жизни. — голос мой в конце фразы совсем ушёл в писк.

Мне неудержимо хочется разрыдаться. Я закрываю глаза и плачу. Ни перед кем я не плакала из-за отца, только наедине с собой позволяла рыдать и разговаривать с ним, как с живым. Да и не с кем мне было оплакивать его.

Ира отнеслась к смерти родителя как к освобождению. Теперь никто не учил её жизни, и она радостно тратила деньги так, как считала необходимым.

Иру и Оксану огорчило только одно — невозможность получить все деньги. Все и сразу. Вот по этому поводу было много разговоров, много истерик, консультаций у юристов.

В этих мыслях, воспоминаниях я не заметила, что Радов уже не сидит за столом. Едва я это осознала, как меня окутало тёплое объятие.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.